

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсяцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,

Поварской пер., д. 5, кв. 17, а

также въ книж. маг., Воль-

фа, Нев., Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газетъ «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-

газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Народно-областное начало въ Русской исторіи.—Дорожная повинность въ Сибири. А.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ горо-
довъ Вѣрнаго, Ташкента, Томска, Иркутска, Красноярска, Каинска, Бійска и изъ Киренскаго округа.—Распространеніе англичанами св.
писанія въ Сибири и Средней Азій.—Есть ли дѣло на родинѣ? *Сибиряка*.—Привѣтъ изъ дали. Стихотвореніе. Н. С. К.—Сельскій
триумфъ (очеркъ деревенскихъ нравовъ). *Сельскаго Гомера*.—Хроника жизни за недѣлю.—Объявленіе.

Продолжается ПОДПИСКА на „Восточное Обозрѣніе“ 1884 г.

НАРОДНО-ОБЛАСТНОЕ НАЧАЛО ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

II.

Возрѣнія историка Шапова на область и областную исто-
рію были выражены въ его рѣчи, произнесенной имъ при
вступленіи на кафедру русской исторіи въ казанскомъ универ-
ситетѣ. Вотъ суть этой лекціи:

„Скажу напередъ: не съ мыслью о государственности, не
съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областно-
сти я вступаю на университетскую кафедру 'русской исторіи',
такъ началъ Шаповъ свою вступительную лекцію.

„Въ настоящее время, кажется, уже утвердилось убѣж-
деніе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ
народный, творящій исторію; что сущность и содержаніе
исторіи есть—жизнь народная... Но вотъ другое начало, ко-
торое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: начало област-
ности... У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской
исторіи идея централизаціи; всѣ разнообразныя особенности,
направленія и факты провинціальной исторической жизни
подводились подъ одну идею государственнаго развитія. Съ
эпохи утвержденія московской централизаціи, въ нашихъ
исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ
различныхъ провинцій. Между тѣмъ, русская исторія, въ
самой основѣ, есть, по преимуществу, исторія различныхъ
областныхъ массъ народа (исторія постояннаго территориаль-
наго устройства, разнообразной этнографической организаціи,
взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго поли-
тического положенія областей до централизаціи и послѣ цен-
трализаціи). Только въ русской исторіи вы встрѣтите свое-
образное, территориальное и этнографическое самообразование
областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣ-
тописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую, особую

самобытность, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу обла-
стей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи
громадной, государственной, географической централизаціи
московской, а въ областныхъ лѣтописяхъ раздается самый
энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ
насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ соби-
ранія русской земли“.

„Такъ, областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ,
господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историче-
скаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергиче-
скую вѣковую борьбу съ соединительной централизующей си-
лой государства; онъ многозначительно выразился въ смут-
ное время, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ,
проявился на земскихъ соборахъ XVII вѣка, сказался въ
разнообразныхъ областныхъ движеніяхъ, демократическихъ
и инородческихъ... и мы, изучая русскую исторію, остав-
ляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной эле-
ментъ сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиж-
дательный, плодотворный элементъ нашей будущей цивили-
заціи. Русская исторія, основанная на идеѣ централизаціи,
исключающая идею областности, есть тоже, что отрицаніе
существеннаго, жизненнаго значенія областей, какъ разно-
образныхъ органовъ въ составѣ и развитіи цѣлаго полити-
ческаго организма—всего народа. А кто не знаетъ, что безъ
знанія устройства и отправленій различныхъ отдѣльныхъ ор-
гановъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго ор-
ганизма? Такъ точно и безъ знанія разнообразной историко-
этнографической организаціи, характера, понятій, возрѣній,
вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народ-
ныхъ невозможно полное и отчетливо ясное пониманіе рус-
ской исторіи. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ много-
сложенъ историко-этнографическій строй нашихъ многочи-
сленныхъ и обширныхъ областей“.

„Какъ нѣтъ въ Европѣ самаго малаго государства, которое бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ нѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскихъ областяхъ. Много ли общаго, на примѣръ, между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ? Много ли общаго между Польшой и Камчаткой, или между Кавказомъ, Архангельскою областью и Казанскимъ краемъ? и т. д.“

„Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія не только люди науки, но и лучшіе государственные люди сознавали и официально высказывали то убѣжденіе, что „должно обращать вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную русскую имперію, что государство должно вполне соответствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области“..... Въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самопознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало по малу возникающіе въ нашей провинціальной литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданіе областныхъ актовъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самопознанія, но и органомъ возбужденія въ провинціальныхъ массахъ—идей политическаго самопознанія и саморазвитія, въ составѣ цѣлаго государственнаго союза“.

„Итакъ, съ мыслью объ областности и народности, я избираю для своихъ чтеній исторію великорусскаго народа, или великорусскихъ областныхъ общинъ, въ связи съ Сибирью. Здѣсь, въ Великой Россіи, былъ центръ исторической борьбы областного элемента и народности съ централизацией. Здѣсь рѣшалась судьба всѣхъ многочисленныхъ, обширныхъ и разнообразныхъ областей и сосредоточилась ихъ новая историческая жизнь—государственно-союзная, и, если можно такъ сказать, здѣсь сковывается, держится будущее нашихъ областей. Кромѣ того, въ этой части русской исторіи есть много такихъ важныхъ, первоклассныхъ вопросовъ, которые доселѣ ждуть еще изслѣдованія, какъ, на примѣръ, вопросъ о колонизаціи и значеніи ея въ Русской исторіи, или хоть тотъ же современный вопросъ—объ историческомъ значеніи московской централизаціи и т. д. Безъ дальнѣйшихъ предисловія, спѣшу сообщить вамъ, мм. гг., общій взглядъ на исторію великорусскаго народа до централизаціи и послѣ централизаціи областей...“

Такова была канва лекціи покойнаго историка. Онъ блестяще очерчиваетъ съ этой точки зрѣнія періоды, переживаемые областью, слѣдитъ за моментами, когда въ ней живѣе бьетъ пульсъ жизни и, наконецъ, замираетъ. Здѣсь каждое слово блестяще новою мыслью. Смѣлый умъ его не путается въ подробностяхъ и историческихъ деталяхъ, но прямо выходитъ на большую дорогу. Онъ указываетъ всю важность изученія народно-областной жизни. Его великій историческій трудъ въ этомъ направленіи былъ прерванъ послѣдующими событіями его личной жизни. Но мысль начала получать осуществленіе. Задача историческаго изслѣдованія жизни народа и крестьянства выступила рельефнѣе послѣ 19 февраля 1861 г. и имѣетъ уже замѣтныхъ сторонниковъ ея въ лицѣ молодыхъ

ученыхъ, какъ В. И. Семевскій, Ковалевскій, Постниковъ и друг. Но изученіе это не можетъ быть доведено до конца и исчерпано сразу.

Исторія народа и массъ расплывается въ областной жизни, среди разнообразнѣйшихъ ея условій. Могъ ли все это охватить прежній историкъ центра, есть ли возможность въ настоящее время набрать для этой исторіи даже матеріалъ? Ясно, что здѣсь предстоитъ огромная подготовительная работа, требующая множества силъ. Эта работа будетъ доступна только въ областяхъ специализированная и локализованная. Изученіе народно-областныхъ этнографическихъ группъ становится непременнымъ условіемъ народной исторіи. Вотъ неизбежное направленіе, которое должна получить новая историческая работа въ ея послѣдовательномъ развитіи. Государственность вызываетъ потребность изученія области. Это же изученіе создаетъ жизнь и самостоятельный трудъ для самой области.

ДОРОЖНАЯ ПОВИННОСТЬ ВЪ СИБИРИ.

Въ страдную пору, въ самое горячее для крестьянина время, когда ему нужно пары пахать, озими сѣять, сѣно убирать, въ Сибири его гоняютъ на исправленіе трактовъ, растянувшихся на тысячи верстъ. Работа всегда тяжелая, отнимающая много времени самаго дорогаго въ крестьянскомъ быту, отнимающая отъ работы самыя здоровыя руки и, мало того, требующая со стороны этого же крестьянина, сверхъ работы имъ производимой, еще и денежныхъ затратъ. Надо представить себѣ положеніе мужика, выгнаннаго на починку дороги за сотню, за двѣ и болѣе верстъ (какъ это почти всегда имѣетъ мѣсто въ Восточной Сибири, а частію и въ Западной) отъ его родной деревни: онъ бросилъ не распаханныя пары, не засеянное поле, лишивъ свое хозяйство рабочаго коня, на которомъ уѣхалъ, и бьется на тракть, покупая хлѣбъ и всю другую провизію въ чужой деревнѣ. Но вотъ, на несчастье его, ударило ненастье, работать нельзя, нельзя и ѣхать домой, и крестьянинъ лежитъ подъ телѣгой на полѣ, проѣдается, пока наступитъ ведро. Надо выѣхать на большую дорогу во время такой „страды“ и прислушаться къ стонамъ этихъ несчастныхъ, промокшихъ, иззябшихъ подъ телѣгами, проѣвшихъ послѣдніе гроши, чтобъ понять, какая тяжелая повинность—исправленіе трактовыхъ дорогъ. А что сказать о бойцахъ—одиночкахъ, уѣхавшихъ изъ дому на 30—40 дней? Для нихъ исправленіе дороги есть разореніе, поправить которое можно только годами. „Душа содрогалась при видѣ возвращающихся съ трактовыхъ работъ крестьянъ, исхудалыхъ, больныхъ, съ едва двигающимися отъ безкормицы лошадьми, такъ какъ не только купить сѣна, но и самому прокормиться было нечѣмъ“, пишетъ одинъ изъ очевидцевъ. Безспорно, эта повинность самая тяжелая изъ всѣхъ, отбываемыхъ сибирскимъ крестьяниномъ, будетъ ли онъ отбывать ее натурой, или наймомъ. Уже не разъ указывали, во что она обходится въ разныхъ мѣстахъ. Вотъ, на примѣръ, еще одинъ разсчетъ. Лѣтомъ прошлаго года въ Богородской волости на 1,274 бойца исправленіе дороги обошлось въ 7,950 руб., т. е. съ cadaго сошло по 6 р. 24 к. Ужь, вѣрно, тяжка эта повинность, которую приходится отбывать и весной, и осенью, и зимой, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ крестья-

янинъ Елгайской волости, деревни Песочно-Дубровской кончилъ жизнь самоубійствомъ, говоря: „въ пятый разъ на дороге насъ выгоняютъ! Подати, повинности я признаю, и недоимки тоже, рекрутчину признаю... но еще исправленіе дороги! За что же, за что въ пятый разъ выгоняютъ? Э—эхъ, ужъ если такъ гоняютъ, лучше зарѣзаться!“.. и зарѣзался. Виномъ хотѣлъ этотъ несчастный горе залить, въ немъ хотѣлъ онъ позабыть эту тяжкую, раззорительную для хозяйства повинность, но не залилъ, горе подступило къ самому горлу, жизнь показалась тяжела и онъ съ нею разстался... Вѣдь это цѣлая драма и она разыгрывается на нашихъ глазахъ, изъ году въ годъ, на протяженіи всей Сибири, на протяженіи многихъ тысячъ верстъ. Въ „Сиб. Газ.“ приводился расчетъ (см. № 42 „Сиб. Газ.“ за 1882 г.), что переложеніе натуральной повинности въ денежную много облегчило бы крестьянъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые живутъ отъ тракта за сотни верстъ, уменьшило бы количество поводовъ для злоупотребленій сельской и земской власти и, наконецъ, тогда возможно было бы достигъ болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія тягостей на каждаго бойца, чѣмъ это возможно при отбываніи повинности натурою, когда участки неодинаково удалены отъ деревень, когда одни изъ нихъ требуютъ большей, другіе незначительной поправки. Въ Европейской Россіи дорожная повинность, со времени введенія земства, отбывается не натурою, а наймомъ. Но что же значать протяженіе російскихъ трактовъ въ сравненіи съ сибирскими, что значить отбываніе этой повинности въ Россіи по сравненію ея съ Сибирью, гдѣ каждая верста на иномъ трактѣ стоитъ ежегодно крестьянству до 1,000 р. Вѣдь за 30—40 лѣтъ поправки этотъ расходъ достигаетъ такой суммы, на которую возможно построить желѣзную дорогу. Говоря о переложеніи отбыванія повинности изъ натуральной въ денежную, какъ облегченіи для сибирскаго крестьянства, мы все таки остаемся при убѣжденіи, что дорожная повинность, по всей справедливости, должна быть отнесена на средства государства, а не крестьянъ, которые въ исправленіи трактовъ для своихъ нуждъ вовсе не заинтересованы.—Весьма любопытно было бы собрать матеріалы о дорожной повинности по всей Сибири за одно—два десятилѣтія *), и тогда можно было бы наглядно показать, какую тяжесть несетъ на своихъ плечахъ сибирскій крестьянинъ совершенно несправедливо.

А.

ХРОНИКА.

Газеты извѣстили о смерти генераль-адъютанта адмирала С. С. Лесовскаго; имя его извѣстно на Восточномъ океанѣ и въ Камчаткѣ, въ послѣднее время онъ участвовалъ въ комиссіи, рѣшающей вопросъ объ организаціи Амурскаго генераль-губернаторства. Мы слышали, что адмираломъ С. С. Лесовскимъ было внесено весьма замѣчательное предложеніе. Въ видахъ правильнаго порядка гражданскаго управленія, онъ указалъ на необходимость назначенія въ администраторы на окраины лицъ гражданскаго вѣдомства

*) Мы просимъ доставить намъ сырой матеріалъ объ отбываніи дорожной повинности всѣхъ, кто имъ располагаетъ или кто можетъ его добыть, по губерніямъ, округамъ и волостямъ, съ подробнымъ расчетомъ стоимости работъ на каждомъ данномъ участкѣ.

и первый замѣтилъ, что ни военные, ни морскіе чины въ этихъ занятіяхъ не проявили компетентности... Адмиралъ Лесовскій указывалъ въ этомъ случаѣ на примѣръ иностранныхъ колоній, гдѣ губернаторы гражданскіе, но для авторитета власти получаютъ военныя почести.

Намъ кажется, что мысль о гражданскихъ губернаторахъ и даже генераль-губернаторахъ вполне основательная; она уже осуществлялась въ Сибири, и дѣла шли не хуже, а скорѣе лучше. Выдѣленіе военнаго управленія не представитъ никакихъ затрудненій въ странѣ мирной, какъ Сибирь.

Въ прошломъ № упомянуто было у насъ объ амурскомъ обѣдѣ. Нынѣ мы узнали нѣкоторыя подробности о немъ. Предсѣдателемъ этихъ обѣдовъ состоитъ П. К. Казакевичъ, бывший первымъ амурскимъ губернаторомъ. Обѣды учреждены съ 1865 г., на нихъ собираются лишь лица, служившія на Амурѣ. Это, болѣею частью, бывшіе администраторы. Видно, что обѣды эти ограничиваются весьма небольшимъ числомъ избранныхъ лицъ—такъ нынѣ было всего 16 чел. Среди дружеской бесѣды сообщено было, что подписка на памятникъ графа Муравьева-Амурскаго не только достигла потребной суммы, но и превзошла ее, и излишекъ предполагается употребить на просвѣтительныя цѣли. М. Н. Галкинъ-Врасскій выразилъ соображенія, гдѣ бы лучше могъ быть поставленъ памятникъ Муравьеву-Амурскому, и указалъ на Усть-Стрѣлку, гдѣ начинается Амуръ. Мысль эту рѣшено передать инициатору подписки и распорядителю этого дѣла князю Волконскому.

Во Владивостокѣ, какъ пишутъ въ газетѣ «Владивостокъ», явилась полезная мысль образовать музей, подобно другимъ создающимся въ Сибири. Здѣсь должны быть сосредоточены образцы произведеній Амурскаго края. По этому поводу газета замѣчаетъ, что у другихъ европейцевъ повсюду въ колоніяхъ (Коломбо, Сингапуръ, Гонконгъ) устроены громадныя роскошныя музеи, гдѣ собраны естественныя произведенія и образцы промышленности данной мѣстности, что значительно облегчаетъ изученіе страны. Что нибудь подобное, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, могли бы и мы устроить. Слѣдовало бы собрать образцы растений, животныхъ, минеральныхъ произведеній, типы мѣстныхъ жителей, образцы ихъ быта и ихъ произведеній, виды мѣстностей, памятники древности и проч. Здѣсь также должны быть сосредоточены всѣ данныя и вообще вся литература о мѣстномъ краѣ. Нѣтъ надобности распространяться, на сколько такое собраніе необходимо и полезно.

ВѢСТИ О КРЕСТЬЯНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

Крестьянскія учрежденія въ Сибири въ лицѣ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ начали уже свою дѣятельность. Намъ сообщаютъ, что крестьяне ожидали ихъ, какъ заступниковъ, рассказываютъ имъ о множествѣ чудовищныхъ злоупотребленій со стороны волостныхъ писарей, на которыхъ вездѣ жалобы. Новыхъ чиновниковъ принимаютъ также за мировыхъ судей и просятъ разсудить дѣла. У народа, ждущаго всегда ревизоровъ, могущихъ обнаружить неправду, ожидающаго правосудія съ прїездомъ чиновниковъ отъ министерствъ, сложились даже мнѣя о томъ, что чиновники иногда ходятъ среди народа инкогнито и, гдѣ видятъ неправду, доносятъ Царю. Осѣдлые инородцы выражаютъ сожалѣніе, что они не подчинены чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ, могшимъ защитить ихъ отъ волостныхъ злоупотребленій; все это показываетъ что институтъ крестьянскихъ учрежденій среди населенія принятъ съ надеждами. Отъ института и самихъ чиновниковъ будетъ зависѣть поддержать репутацію и духъ этого учрежденія.

Чиновники по крестьянскимъ дѣламъ объѣзжаютъ волости и изучаютъ постановку общественнаго управленія и волостныхъ дѣлъ. Мы имѣемъ слухи о самой плодотворной и полезной дѣятельности чиновниковъ въ Тарскомъ округѣ. Менѣе благопріятныя вѣсти доходятъ изъ Канскаго и Туринскаго округовъ.

Между тѣмъ чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ не мало

предстоит работы. Смѣна и контроль наживающихся волостных писарей, уничтоженіе темныхъ и излишнихъ поборовъ съ крестьянъ могли бы оказать существенную помощь и облегченіе въ дѣлахъ, которые доселѣ скрывались отъ гласности.

Намъ пишутъ о слѣдующемъ печальномъ фактѣ, совершившемся въ одной изъ сибирскихъ волостей. А именно рассказываютъ, что въ Б—ой волости Т—ской губ. былъ избранъ крестьянами волостной писарь, отличившійся добросовѣстностью. Въ округѣ между тѣмъ существуетъ исправникъ, который вздумалъ смѣнить честнаго писаря за жалобы, приписанныя на него крестьянами и замѣнить писаремъ изъ сосланныхъ преступниковъ. Крестьяне были глубоко возмущены этимъ. Угодный исправнику писарь оказался негодяй. Крестьяне должны были составить приговоръ просить смѣнить назначеннаго мошенника. Спрашивается, кто въ подобныхъ дѣлахъ лучше всего могъ бы защитить крестьянъ отъ злоупотребленій и навязываній писарей завѣдомо алчныхъ и негодныхъ, какъ не крестьянскія учрежденія и крестьянскія присутствія? Въ этомъ же дѣлѣ случилось наоборотъ; бывший писарь, извѣстный дѣловитостью и честностью, говорять, поступилъ на мѣсто писмоводителя въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, но и здѣсь былъ изгнанъ по злобѣ исправника.

Такимъ образомъ люди, поощрявшіе волостныя злоупотребленія, восторжествовали. Подобныя дѣла должны были бы заслуживать особое вниманіе новыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и губернскихъ присутствій. Иначе придется указывать недосмотры и самимъ этимъ учрежденіямъ.

Въ № 49-мъ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» встрѣчаемъ слѣдующій поучительный циркуляръ начальника Томской губерніи. «Предписываю полицейскимъ управленіямъ внушить полицейскимъ служителямъ о необходимости осторожнаго обращенія съ поднимаемыми на улицахъ и площадяхъ лицами, находящимися въ безсознательномъ отъ опьяненія состояніи, такъ какъ грубое обращеніе, соединенное въ случаѣ сопротивленія иногда съ толчками и даже побоями, влечетъ часто непоправимый вредъ здоровью, а иногда и жизни этихъ лицъ, какъ это и случилось недавно въ одномъ городѣ вѣренной мнѣ губерніи, когда поднятый стражникомъ опьянѣвшій человѣкъ, по доставленіи въ его квартиру, черезъ нѣсколько часовъ умеръ и по медицинскому вскрытію его трупа у него оказалась въ височной кости трещина, имѣвшая послѣдствіемъ смерть. Слѣдствіемъ, между прочимъ, открыто, что стражникъ неоднократно толкалъ въ грудь этого человѣка и, когда онъ старался приподняться на саняхъ, бросалъ его, какъ бревно. Конечно, стражникъ, исполнившій свою обязанность съ совершенно ненужной и безмысленной жестокостію привлеченъ къ уголовной отвѣтственности и заключенъ подъ стражу.»

Въ № 4-мъ «Сибирской Газеты» сообщаютъ, что, по убійству сидѣльца въ кабацѣ Якимова, обвиняется ночной караульщикъ, много лѣтъ ранѣ служившій городовымъ (однако!); кромѣ того, помощникомъ въ этомъ дѣлѣ (убійства) былъ родной сынъ (еще лучше!). Преступленіе совершено утромъ, съ цѣлью грабежа. Убійцы воспользовались всего 18 рублями.

Въ № 5-мъ той же газеты отъ 29-го января сообщаютъ, что сторожъ приказа общественного призрѣнія обнаружилъ взломъ замка, гдѣ хранились карты и болѣе 1,200 р. денегъ. Покупеніе не удалось.

Телеграмма изъ Томска сообщаетъ о слѣдующемъ важномъ для города событіи.

«Купецъ Карасевъ строитъ на свой счетъ деревянный городской театръ, стоимостью до 50.000 р.; постройку предполагаютъ окончить къ осени.»

Одновременно въ Петербургскихъ газетахъ появилось слѣдующее объявленіе.

КОМИТЕТЪ ПО УПРАВЛЕНІЮ

ИРКУТКИМЪ ТЕАТРОМЪ

приглашаетъ лицъ, желающихъ принять на себя антрепризу театра, обращаться съ подробными условіями къ полиціймейстеру гор. Иркутска. Желательно имѣть драматическую опереточную труппу. При театрѣ имѣется полная обстановка, декорации, мебель, гардеробъ, бібліотека и проч. Обыкновенный полный сборъ семьсотъ пятьдесятъ рублей, бенефисный—девятьсотъ рублей.

Значитъ, большой запросъ на Оффенбаха и посредникомъ является г. иркутскій полиціймейстеръ. Какія разнообразныя функціи у сибирской полиціи. Два упомянутыя извѣстія могутъ быть соединены въ одно «зрѣлищѣ»! А изъ Якутска, говорятъ, раздается: «хлѣба»!

Попадаютъ иногда оригинальныя корреспонденціи, такъ въ № 9 «Недѣли» мы находимъ рядомъ съ отзывами лестными для пріѣзжихъ изъ Россіи врачей слѣдующую характеристику мѣстной интеллигенціи.

«Какъ ни плохи наши врачи, російскіе люди, во всякомъ случаѣ они вносятъ въ нашу затхлую, дореформенную жизнь нѣчто свѣжее, живое. Наша жеродная (сибирская) интеллигенція положительно не знаетъ удержу въ своей распущенности.

Язва сибирской интеллигенціи—это страсть къ доносамъ. Писать доносы считается здѣсь самымъ обычнымъ, законнымъ дѣломъ. Общественное мнѣніе ни капли не возмущается ими, потому что всѣ представители общества пользуются этимъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе, т. е. за кофѣйку. Доносы пишутся всѣми и на всѣхъ. (!) Угрожаетъ человѣку служебный крахъ; встрѣтился на пути къ наживѣ соперникъ—доносъ на него; поссорились—доносъ и т. д. Иногда получаютъ такіе букеты доносовъ, отъ которыхъ самое обыкновенное нравственное чувство самаго обыкновеннаго россиянина отвернулось бы; сибирякъ же только смакуетъ. Я приведу только одинъ примѣръ, (жалко что одинъ) имѣвшій мѣсто въ Туринскѣ прошлымъ лѣтомъ. Составителями букета были учитель мѣстнаго уѣзднаго училища, начальница женской прогимназіи, исправникъ и полиціймейстеръ-надзиратель. Надзиратель написалъ доносъ на исправника и начальницу, исправникъ на надзирателя, начальницу и учителя, начальница на исправника, надзирателя и, кажется, на учителя, учитель на начальницу... Исправникъ обвинялся въ бездѣятельности власти и въ склонности къ социализму; надзиратель—въ превышеніи власти и въ той же склонности; учитель—въ буйствѣ въ пьяномъ видѣ; начальница—въ безправственности, беззаконіи и опять таки въ склонности къ социализму. Всѣ эти доносы такъ переплелись между собою, сопровождались такими грязными городскими сплетнями, что описывать подробности рука отказывается.»

Обвиненіе всѣхъ сибиряковъ и особенно мѣстной интеллигенціи рѣшительное. Интересно, что подъ именемъ послѣдней разумѣются не образованные люди интеллигентныхъ профессій, а мѣстный квартальный надзиратель и исправникъ. Это также остроумно, какъ если кто нибудь русскую интеллигенцію обвинилъ бы во взяткахъ, смѣшавъ съ нею урядниковъ и сюда же по пути включивъ цѣловальниковъ. Кажется, слово интеллигенція доселѣ еще не получало такого растяжимаго примѣненія. Можно подумать, что этотъ комплиментъ сочиненъ заѣзжимъ въ Сибирь доброжелательнымъ російскимъ интеллигентомъ. Получите этотъ комплиментъ сибирскіе обыватели и интеллигенція!

Мы слышали, что перемѣщеніе административнаго центра изъ Омска въ Вѣрное для степнаго генераль-губернаторства рѣшительно не состоится.

Въ Приложеніи къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» напечатаны кондичіи на перевозку пароходами разнаго рода воинскихъ партій и командъ по рѣкамъ Западной Сибири отъ Тюмени до Семипалатинска съ 1885 года.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

Вѣрный (корреспонденція „Вост. Обозрѣнія“). Съ принятіемъ подданства китайскіе эмигранты пожелали принять и православную вѣру; вслѣдствіе этого, по ходатайству мѣстнаго начальства, назначенъ былъ для нихъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29 января 1868 года мѣрнія государственнаго совѣта, священникъ-миссіонеръ и была устроена школа для образованія дѣтей эмигрантовъ.

Въ школѣ этой уже въ 1868 году обучалось 22 мальчика, въ 1869 г. училось 29 мальчиковъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1869 года, при посѣщеніи школы начальникомъ области, многія дѣти эмигрантовъ, обучавшіяся въ училищѣ, умѣли читать и писали порядочныя прописи, знали молитвы, учились ариметикѣ.

Принятіе китайскими эмигрантами въ 1868 году православной вѣры подало русскому обществу въ г. Вѣрномъ мысль образовать для содѣйствія матеріальному и нравственному развитію и устройству быта новообращенныхъ въ православіе китайскихъ выходцевъ—православное братство при церкви Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи въ г. Вѣрномъ. Мысль эта встрѣтила сочувствіе въ другихъ городахъ области, и даже многія лица изъ внутреннихъ губерній обѣщали свое содѣйствіе братству. Принимая въ этомъ дѣлѣ личное участіе, начальникъ области, испросивъ разрѣшеніе туркестанскаго генералъ-губернатора, представилъ на утвержденіе епископа Томскаго составленный учредителями уставъ церковнаго братства, который и былъ утвержденъ преосвященнымъ Платономъ 5 іюня 1869 года. Открытіе братства, считавшаго въ то время въ средѣ своей 75 братчиковъ и 33 братицы, послѣдовало 14 августа 1869 года.

Большая часть эмигрантовъ этихъ поселена при выселѣхъ Сарканскомъ, гдѣ они построили дома и занимаются земледѣліемъ.

На построеніе церкви, школы и на выдачу эмигрантамъ пособія отпущены были въ 1868 году изъ государственнаго казначейства 25 т. руб. Пособіе это выдано вообще не свыше 65 руб. на семью. Такъ какъ пособіе было испрошено на 283 семьи, а желающихъ принять подданство и жизнь осѣдлую оказалось болѣе, то въ 1868 году исходатайствовано было для выдачи пособія еще на 250 семействъ эмигрантовъ 16,250 рублей, которые ассигнованы были въ концѣ 1869 года. Принявшихъ подданство и поселенныхъ осѣдло эмигрантовъ къ концу 1869 г. было въ Капальскомъ уѣздѣ 344 семьи, въ Вѣренскомъ 79 семей и 8 семей въ Токмакскомъ уѣздѣ, всего 431 семья, въ количествѣ 1,095 душъ.

Большая часть этихъ эмигрантовъ пожелала поступить въ казачье сословіе, на что послѣдовало 24 мая 1869 года Высочайшее соизволеніе съ предоставленіемъ имъ 15-лѣтней льготы отъ дѣйствительной службы, остальнымъ же эмигрантамъ предоставлено приписаться къ осѣдлымъ поселеніямъ въ области на общемъ основаніи.

Кочевые китайскіе выходцы—калмыки идти въ сѣверныя китайскія владѣнія не пожелали. Заявивъ по прибытіи въ наши предѣлы просьбу о подданствѣ, они остались при этомъ намѣреніи, а потому на принятіе ихъ въ подданство исходатайствовано Высочайшее соизволеніе, послѣдовавшее 29 мая 1869 года. По сходству кочеваго быта этихъ калмыкомъ съ киргизами, они подчинены были одинаковому съ киргизами управленію и народному суду. Въ настоящее время осталась у насъ въ Семирѣччѣ меньшая половина этихъ калмыковъ, большая же часть, по передачѣ Илійскаго края китайцамъ, выселилась изъ нашего Иссыккульскаго уѣзда въ китайскіе предѣлы—въ долину р. Текеса.

Мы посѣтили недавно Сарканскую станицу. Она имѣетъ весьма хорошій наружный видъ, расположена въ прекрасной мѣ-

стности, отличается богатствомъ... но внутренней связи между обывателями станицы—русскими казаками и приписанными въ казачье сословіе крещеными эмигрантами не существуетъ никакой почти: въ теченіи долгаго пребыванія въ Сарканѣ подъ попечительствомъ мѣстнаго миссіонера сарканскіе эмигранты не научены подчиняться установленнымъ правиламъ и порядкамъ управленія въ казачьихъ станицахъ: въ общественныхъ дѣлахъ участія не принимаютъ, на сходъ не являются, суда станичнаго избѣгаютъ, мало признаютъ власть атамана, помощника атамана изъ своей среды не выбираютъ; порусски почти никто изъ нихъ не говоритъ и ничего не понимаетъ. Вообще видно, что учителя и наставники этихъ эмигрантовъ не могли вселить и развить въ неофитахъ нужной привязанности къ новому отечеству. Священники-миссіонеры, учившіе и понынѣ учащіе дѣтей эмигрантовъ, при условіи привлеченія ихъ въ школу разными подачками вещами, одеждою, книгами,—мало заботились о слияніи новокрещеныхъ съ русскою средою, отъ которой они были изолированы путемъ подчиненія почти исключительно миссіонерамъ, а не общимъ станичнымъ властямъ; жили эмигранты и живутъ и доселѣ особнякомъ—весьма мало на окраинахъ станицы, большинство же на пашняхъ и займкахъ, вдали отъ всякаго надзора станичнаго начальства. Отсутствіе всякой нравственной и духовной связи съ своими собратьями о Христѣ, русскими обывателями станицы, уклоненіе отъ несенія присущихъ казачьему сословію воинской и другихъ повинностей способствовали тому, что 51 семья сибинцевъ оставила ту христіанскую среду, которая приняла ихъ въ свои теплыя объятія, спасла имъ жизнь при всеобщемъ погромѣ и уничтоженіи инсургентами монголо-китайскихъ народностей,—и бѣжали въ китайскіе предѣлы.

Ташкентъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Имѣется у насъ акціонерное товарищество съ громкой фирмой „банкирская контора Г. Я.“. Банкирская контора, какъ слѣдуетъ быть таковой, имѣетъ приличное помѣщеніе, зеркальныя стекла, бьющія въ глаза вывѣски, чистенкихъ конторщиковъ; но только дѣла ея не совсѣмъ чистыя: контора эта специально занимается выдачей ссудъ подъ залогъ движимостей и недвижимостей, причемъ закладываемый предметъ оцѣнивается чуть не въ пятую часть стоимости и за ссуду взимаются самыя благородныя, чуть не жидовскіе проценты, то есть ровно 15% годовыхъ, и господинъ Г. преисправно набиваетъ себѣ карманъ. Министерство финансовъ усмотрѣло неблаговидныя операціи г. банкира и предложило ему ликвидировать дѣла, назначивъ годовой срокъ; означенный срокъ уже истекъ, а контора попрежнему продолжаетъ свои операціи; самъ банкиръ отправился въ Петербургъ для поправленія дѣлъ конторы; желательно, чтобы поѣздка его была бесплодною.

Въ обществѣ держатся слухи, за достовѣрность которыхъ не ручаемся, что контора занимается и еще кое какими некрасивыми гешефтами. Въ одномъ изъ №№ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ было заявлено, что въ конторѣ не разъ были закладываемы чужія процентныя бумаги. Въ настоящее время обстоятельства слагаются такъ, что пресловутая контора въ скоромъ времени вынуждена будетъ прекратить свое существованіе, такъ какъ ташкентское отдѣленіе государственнаго банка съ января 1884 года открыло у себя выдачу ссудъ подъ залогъ недвижимостей съ платой только 6% годовыхъ, а не 15%, какъ дѣлаетъ г. Г.

Наконецъ-то домовладѣльцы вздохнуть свободнѣй; до сихъ поръ многіе изъ нихъ, не обладая лишними деньгами, не имѣли возможности отремонтировать дома, приходилось прибѣгать или къ ростовщикамъ тайнымъ (т. е. тайнымъ для всепробѣвающей ташкентской полиціи), или же къ благородной банкирской конторѣ и уплачивать ей 15%; такое обстоятельство или въ концѣ концовъ

раззоряло собственника, или же заставляло его поднимать цѣны на квартиры, предметы торговли и т. п.; повышение цѣнъ всею тяжестью ложилось на бѣдный мелкій людъ. Надѣмся, что теперь число ростовщиковъ чиновныхъ и нечиновныхъ, официальныхъ и полуофициальныхъ поубавится.

Слѣдуетъ замѣтить, что городъ нашъ не богатый, и капиталы стовъ крупныхъ нѣтъ, хотя и много у насъ купцовъ и прожектеровъ.

Ташкентскій купецъ не московскій и сибирскій, у котораго дѣйствительно мощна толста, наше кунечество по русской поговоркѣ „на обухѣ роже молотить“. Какъ заглянешь къ иному въ магазинъ, да посмотришь на домъ съ зеркальными окнами, подумаешь, что у человѣка по малой мѣрѣ миллионъ, а приглядишься ближе къ его операціямъ, такъ и увидишь, что онъ оборачивается на 30 или на 40 тысячъ, да и такихъ немного.

У какогонибудь Колупаева въ рукахъ казенный миллионный подрядъ, а не выполни онъ подряда, выйдетъ сухъ изъ воды, заплатятся же своими достатками люди мелкіе. Дѣло въ томъ, что администрація края сдѣлала крупную ошибку, допустивъ при подрядахъ вносить залоговъ въ обезпеченіе не наличными цѣнностями подрядчика, а недвижимымъ имуществомъ, и то чужимъ; такъ обыкновенно и дѣлается. Беретъ Колупаевъ подрядъ и съ согласія мелкихъ собственниковъ представляетъ казнѣ въ обезпеченіе ихъ дома и земли, за что имъ и выплачивается 5%, такъ что, глядишь, по иному дѣлу чуть не половина домовъ Ташкента составляютъ обезпеченіе казны; случился крахъ, и легковѣрные, жаждущіе 5%, собственники теряютъ свое имущество, которымъ они поручились за Колупаева.

Остальное населеніе еще бѣднѣй; состоитъ оно изъ чиновничества и офицерства, живущихъ большей частью въ долгъ отъ двадцатаго до двадцатаго, а чуть понажился кто, снѣшить, пока цѣль, выбраться изъ края. Плохо чиновнику, припретъ его ростовщикъ, онъ старается выхлопотать себѣ какуюнибудь командировочку, съѣздить, вернется и расквітается, а тамъ опять понемногу нарастаютъ долги, и начинаютъ чиновника штурмовать займодавцы.

У ташкентскаго общества, особенно у милыхъ дамъ, легко подмѣтить склонность жить выше средствъ. Раззоряютъ ихъ карты и вечера. Гдѣнибудь вечеръ, барыня, обремененная долгами, имѣя въ карманѣ только три рубля, съ которыми ей приходится жить чуть не двѣ недѣли, усаживается преспокойно „винтить по четверти“ и провинчиваетъ 30, 40 рублей; на утро мужъ рыскаетъ по городу, стараясь обрѣсти эти 40 рублей да кстати еще 40 за 10% мѣсячныхъ, и такъ изо дня въ день живетъ не только мелкій чиновный людъ, но и болѣе крупный. Получить чиновникъ жалованье, еще въ передней канцеляріи его осаждаютъ сторожъ, у котораго онъ перехватилъ 10—15 рублей подъ %, у подвѣзда ожидаетъ его извозчикъ — кредиторъ, пріѣзжаетъ домой, а тамъ полна передняя займодавцевъ всякихъ наименованій, вечеромъ „винтъ“ — угрожъ въ карманѣ только двугривенный!

Томскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Вопросъ, ложно поставленный, и дѣло, получившее невѣрное направленіе, не приводятъ къ разрѣшенію недоразумѣній, но только запутываютъ и усложняютъ его до того, что придется потерпѣть конфузъ. Такъ и случилось съ преніями въ томской думѣ. Вопросъ о лечебницѣ получилъ свое возмездіе и повлекъ за собою вторую безтактность. Дума вышла изъ программы городскихъ дѣлъ, увлекалась преслѣдованіемъ другихъ цѣлей и утеряла изъ подъ ногъ инстинктъ общественнаго блага и пользы. Будучи представительницей публичности и гласности, она опрокинулась противъ этой публичности и гласности, т. е. противъ принциповъ, которые должны быть ей дороги. Такъ должно было ожидать. Корабль при дурномъ кормчѣмъ садеть на мель, или

наѣдетъ на скалу. Дурно руководимое самоуправленіе доведетъ себя до общаго осмѣянія.

16-го Января было послѣднее засѣданіе думы по обсужденію городской смѣты на 1884 г. Когда разсмотрѣніе смѣты было закончено, городской голова вдругъ заявилъ, что въ № 3 „Сибирской Газеты“ появилась замѣтка, оскорбительная для городского управленія, за которую газету необходимо преслѣдовать судомъ. „Газета, говорилъ мѣстный торговецъ, до селѣ извѣстный болѣе въ области распространенія смывныхъ ситцевъ, — газета, наставлялъ онъ, можетъ заявлять факты, но не высказывать своего мнѣнія на основаніи этихъ фактовъ. Что она прокуроръ, что ли? Какъ она смѣетъ (ого!) толковать объ общественной дѣятельности должностныхъ лицъ? (?) Развѣ ей предоставлено закономъ порицать или хвалить такихъ лицъ?“ Долго бы, вѣроятно, ползли съ языка головы эти несвязныя, „хозяйскія“ рѣчи, еслибъ оратору не замѣтили, что дума не можетъ, по закону, входить въ сужденія о томъ, чего не было объявлено въ повѣсткахъ объ этомъ засѣданіи. Учить значить законности, а самъ не исполняетъ ея. Назначено было поэтому, на другой же день, 17 января, особое засѣданіе, специально посвященное „Сибирской Газетѣ“, собственно вопросу объ отдачѣ подъ судъ газеты. 17 числа въ думу набралось множество публики обоого пола, больше, чѣмъ было гласныхъ. Тяжело сообщать подробности этого засѣданія, которымъ дума навсегда запечатлѣла въ лѣтописяхъ сибирскихъ думъ свой приговоръ; тяжело, потому что не такихъ результатовъ мы ждали отъ единственной пока реформы, коснувшейся Сибири, реформы городского самоуправления. Горечь искупается только тѣмъ соображеніемъ, что имущественный цензъ есть самая ненадежная гарантія правильнаго развитія самоуправления и постановки городского дѣла, ибо онъ устраняетъ отъ участія наиболѣе надежный элементъ — лицъ съ образованіемъ. Какъ только думскій ораторъ открылъ ротъ, такъ понесло специфическимъ букетомъ. „Еслибъ газета оскорбила меня, говорилъ голова, я бы зналъ куда ее снести и что съ ней сдѣлать“... Какъ остроумно и мило. Такъ какъ здѣсь оскорблено общественное самоуправленіе, „въ лицѣ городского головы“, то надо преслѣдовать судомъ... „Преслѣдовать, преслѣдовать“, крикнулъ гласный „сердцевѣдъ“ Б. „Чего ихъ преслѣдовать, не стоитъ, вторилъ другой гласный, собака лаетъ, вѣтеръ носить“ (почтенный гласный, очевидно, проглядѣлъ, несоотвѣтствіе между тѣмъ, что вѣтеръ носить и тѣмъ, что собираетъ экстренное засѣданіе думы съ наличнымъ составомъ гласныхъ и множествомъ публики). Но насталъ моментъ, когда настроеніе травли смѣнилось недоумѣніемъ, за что и какъ преслѣдовать газету. Перечитали замѣтку разъ, другой, и знакомые съ процедурой судебного преслѣдованія удостовѣрили, что въ замѣткѣ нѣтъ объекта преступленія. Затѣмъ одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что въ ней, кромѣ того, все написанное правда. На это г. голова имѣлъ смѣлость отвѣтить, что въ замѣткѣ все ложь, „это я утверждаю, говоря, какъ городской голова и какъ Петръ Васильевичъ Михайловъ“. Это смѣлое заявленіе было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ гласныхъ; да и кто бы изъ нихъ посмѣлъ отрицать противное, изъ нихъ сидѣвшихъ въ большинствѣ въ его обширномъ карманѣ, его должниковъ. Не смотря на ясно сформулированное мнѣніе, что за отсутствіемъ объекта преступленія, газету преслѣдовать нельзя, г. Михайловъ потребовалъ баллотировки вопроса, преслѣдовать ли газету за оскорбленіе, или нѣтъ. Большинствомъ одного голоса (13 противъ 12) рѣшено преслѣдовать. Господа гласные торжествовали свою побѣду. Но какую побѣду? Они теперь и сами поняли, да поздно. Стыда этого ничѣмъ уже нельзя смыть. Вѣдь этимъ дума и общественные представители подписывали приговоръ общественному мнѣнію, они разрывали связь съ гласностью, съ свободой мнѣнія. Поняли ли они, на

что они посягаютъ? При этомъ мнѣ вспоминаются монологи, произносимые Сквозникомъ-Дмухановскимъ, по прочтеніи письма Хлестакова къ Тряпичкину и, наконецъ, та нѣмая картина, персонажи которой онѣмѣли, по полученіи громоваго извѣстія о пріѣздѣ настоящаго ревизора. Въ данномъ случаѣ этотъ настоящій ревизоръ ожидается здѣсь въ лицѣ столичной печати.

Жалоба думы была передана на разсмотрѣніе губерн. по город. дѣламъ присутствія и, какъ этого можно было ожидать, кассирована имъ по неосновательности. Въ тотъ же день, какъ вышелъ № 4 „Сибирск. Газ.“, городской голова умчался въ Ирбитъ, „на ярмонку“, посылая газетѣ нелестныя пожеланія. Исторія эта еще далеко не кончилась. Г. Михайловъ оставилъ по себѣ достойнаго преемника въ лицѣ профессора семинаріи Смирнова, который, путемъ жалобы, добился напечатанія въ „Сибир. Газетѣ“ „опроверженія“. Опроверженія, однако, должны быть справедливы, иначе слабая сторона ихъ будетъ открыта.

Газета напечатала замѣчанія и извѣщенія г. Смирнова. Но тѣ, кто слышалъ его рѣчь, находятъ, что она была рѣзче и оскорбительнѣе по отношенію къ городскому врачу, чѣмъ вышла въ газетѣ. Обращаемъ вниманіе на одно выраженіе и ловкое отпариваніе г. Смирнова сдѣланныхъ ему замѣчаній. Онъ объявляетъ торжественно, что „владѣльцемъ никакой аптеки онъ не состоитъ и ни къ одной изъ аптекъ во всей Западной Сибири не имѣетъ отношенія“. Онъ правъ: аптека принадлежитъ не ему, а его женѣ, вѣрно и то, что къ аптекамъ въ Западной Сибири онъ отношенія не имѣетъ, потому что аптека его жены находится въ г. Красноярскѣ. Каково искусство писать и опровергать?!...

Иркутскъ (корресп. „Восточн. Обзор.“). На-дняхъ мѣстная дума лишила иркутскую полицію субсидій и квартирныхъ. Нашъ уважаемый губернаторъ С. И. Носовичъ, вѣроятно, скоро уѣдетъ изъ Иркутска и, уѣхавши, оставитъ по себѣ, несомнѣнно, самую хорошую память. Воспѣтый газетами баринъ за многочисленныя безобразія, не такъ давно кидавшійся съ ножомъ на одного чиновника во время производства порученнаго этому барину слѣдствія, да и съ ножомъ то, составившимъ „вещественное доказательство“ въ уголовномъ дѣлѣ, вѣроятно, въ воздаяніе храбрости получилъ мѣсто, конечно, безъ содержанія, но зачѣмъ этимъ господамъ содержаніе: эти умные люди чуть не на всю жизнь успѣваютъ обезпечиться, да еще съ такою храбростью, какъ нашъ баринъ. Слухъ объ опредѣленіи этого барина положительно изумилъ всѣхъ. И смѣшно и больно, но больше больно, чѣмъ смѣшно!

Мѣстная дума издала обязательное постановленіе о томъ, чтобъ въ магазинахъ торговали по воскресеньямъ только съ 12 до 4 часовъ: между купцами большой ропотъ и радость между приказчиками. Но нѣкоторые смысленные довѣренныя и хозяева и тутъ умѣютъ соблюсти свои интересы въ ущербъ приказчицѣмъ: они намѣрены приказчиковъ обязать приходить и въ воскресенья, какъ обыкновенно, въ 8 утра и держать ихъ до 9 вечера, такъ какъ въ магазинахъ всегда есть работа, кромѣ торговли. Не столько, кажется, раздражаетъ ихъ убавка времени изъ торговаго воскреснаго дня, сколько нарушеніе принципа ихъ хозяйскаго произвола.

Красноярскъ (корресп. „Вост. Обзор.“). При вступленіи въ должность новаго губернатора генералъ-лейтенанта Педашенко первой заботой его было ограничить произволъ полиціи по содержанію подслѣдственныхъ арестантовъ. Съ этою цѣлью еще въ августѣ 1882 года былъ изданъ циркуляръ, чтобы постановленія слѣдователей о предварительномъ заключеніи подъ стражу отсылались на разсмотрѣніе и утвержденіе подлежащей судебной инстанціи, которой предо-

ставлялось право или освободить заключеннаго, если содержаніе его подъ стражей не было согласно съ закономъ, или санкціонировать его заключеніе. Мѣра эта представлялась вполне цѣлесообразною не только по отношенію къ заключенникамъ, но и по отношенію къ самимъ слѣдователямъ, которые уже не подвергались ответственности за напрасное стѣсненіе свободы. Наконецъ, и губернское начальство избавлялось отъ значительной переписки, сопряженной съ разсмотрѣніемъ арестантскихъ жалобъ, число которыхъ въ нѣкоторые годы, какъ, напр. въ 1879 г., доходило до 380 *). Не смотря однако на строгость, съ которою губернаторъ относился къ неупустительному исполненію слѣдователями своего циркуляра, послѣдніе сумѣли обойти его и стали практиковать содержаніе подслѣдственныхъ лицъ въ полицейскихъ чижовкахъ и въ волостныхъ тюрьмахъ по два и болѣе мѣсяца, т. е. до тѣхъ поръ, пока слѣдователю не удавалось обнаружить болѣе точныя доказательства виновности или же окончательно затушевать обвиненіе. Такая уловка очень понятна: во-первыхъ, арестанты чижовокъ и волостныхъ тюремъ не бываютъ на отчетности и настояній объ нихъ къ слѣдователямъ ни отъ кого не поступаетъ; во-вторыхъ, представленіе въ судъ постановленія о заключеніи въ острогъ, гдѣ арестантъ попадаетъ въ „казенный счетъ“, ставитъ слѣдователя въ отвѣтственное положеніе за медленность, сопряжено съ необходимостью немедленно приступить къ слѣдствію для констатированія уликъ, а это или при многочисленности дѣлъ представляется иногда физически невозможнымъ, или же по недостатку умѣнія построить обвиненіе составляетъ сплошь да рядомъ непосильный трудъ; а въ третьихъ, — что всего важнѣе, — попадавшій въ острогъ арестантъ не могъ быть уже освобожденъ властью слѣдователя, между тѣмъ какъ, насидѣвши и надумавшись досыта въ чижовкѣ, онъ прибѣгалъ „къ рожденію“, и тогда всесильная воля полицейскаго слѣдователя могла или карать, или миловать. Когда о такомъ уклоненіи отъ циркуляра дошло до свѣдѣнія губернатора, то онъ распространилъ циркуляръ также на арестантовъ волостныхъ и полицейскихъ тюремъ. Но и тутъ полиція нашла лазейку: она стала заключать административнымъ порядкомъ, не записывая арестантовъ въ книгу на кормовое довольствіе, и такимъ образомъ все-таки выгадывала для себя нѣсколько лишнихъ дней (мы говоримъ только о подслѣдственныхъ арестантахъ; въ слѣдующихъ письмахъ сообщимъ о другой категоріи — арестуемыхъ для протрезвленія, впрямь до дознанія о личности и т. п.). Въ этомъ отношеніи въ особенности дѣйствуетъ хитро и аккуратно наша городская полиція. Не говоря уже о томъ, что девизъ ея „за шиворотъ и въ чижовку“ неукоснителенъ во всѣхъ случаяхъ; но даже и въ такихъ случаяхъ, когда она уже явно сознаетъ себя не въ силахъ противиться распоряженіямъ начальства о немедленномъ освобожденіи арестованнаго, она и тутъ находитъ различныя придирки для задержанія его хотя бы на одинъ лишній день. Вотъ, напр., случай, бывшій на-дняхъ. Красноярскій окружный судъ не утвердилъ постановленія пристава 1-й части о заключеніи въ острогъ крестьянина Шедченко, обвиняемаго въ простой кражѣ на сумму до 40 рублей, и 19-го декабря послалъ бумагу объ освобожденіи его на поручительство. Полиція распорядилась дѣйствительно освободить Шедченко изъ острога, но взамѣнъ этого арестовала его въ полицейской тюрьмѣ, гдѣ и продержала его до 22 декабря, т. е. до тѣхъ поръ,

*) По каждой жалобѣ заводилось особое дѣло и тянулась переписка въ теченіи года и болѣе времени, пока арестантское прошеніе не разрѣшалось окончательно; но и тутъ нельзя было считать дѣло законченнымъ, такъ какъ арестантъ, недовольный отказомъ, обращался къ главному начальнику, и опять приходилось собирать новыя справки о положеніи дѣла и т. д.

пока и. д. губернскаго прокурора Налабардинъ не доложилъ о такомъ правонарушеніи губернскаму начальству. Задержаніе Шедченко полиція объяснила тѣмъ, что онъ будто бы не могъ представить по себѣ поручителей, тогда какъ жена обвиняемаго именно и жаловалась прокурорскому надзору, что приведенныхъ ею поручителей приставъ просто прогонялъ. Однимъ словомъ, не пожелали освободить, и быть по сему. И это не единственный фактъ. Но что всего интереснѣе—это жалобы полиціи на окружный судъ по поводу такого освобожденія: „вотъ мы ловимъ воровъ и мошенниковъ и сажаемъ ихъ, а судъ имъ мирволить“.—Какъ видимъ, бьютъ на общественное мнѣніе; но у послѣдняго слишкомъ достаточно чутья, чтобъ не обмануться на счетъ истинной подкладки такихъ воплей. Оно хорошо сознаетъ, что воръ на копѣйку всегда отдуется, тогда какъ грабители и убійцы (напримѣръ, по дѣлу объ убійствѣ ростовщика Серебряникова) останутся безнаказанными.

Каинскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Во время ярмарки въ Каинскѣ воровство было отчаянное. Ссылные тащили изъ лавокъ, обвинявали съ лошадей сбрую. Въ одномъ мѣстѣ бьютъ вора, въ другомъ агенты полиціи тащатъ въ каталажку крестьянина и бьютъ его за то, что привезъ масло, пары или мясо. Подобная исторія случилась съ крестьяниномъ дер. Песчановой. Товарищи-односельчане, оскорбленные дѣйствіями полиціи, отбили его. „Верите его товаръ, кричали мужики, а его не дадимъ; отъ насъ не поживете; мы будемъ просить“. Полякъ Красульскій (изъ Кожевникова) привезъ продать стягъ говядины; его забираютъ въ полицію. Онъ отсѣкаетъ полстяга и, освободившись, проситъ дать росписку, чтобы опять не возвратиться. Отвѣчаютъ: „не потронуть“. Крестьянинъ К. Добрынинъ Верхне Каинской вол. везетъ спокойно по улицѣ 2 пары сдать Досманову. Его останавливаетъ квартальный Г—евъ и запираетъ въ тѣсную каталажку, набитую мужиками; тамъ предлагаютъ мужикамъ: „дай 10 р.,—выпустимъ“. Добрынина препровождаютъ подъ конвоемъ къ Г—еву, который требуетъ 5 р. за освобожденіе, но мужикъ не соглашался. Когда приказаніе квартальнаго исполнили, — сложили пары въ завозню, мужика привели снова къ квартальному и просятъ 2 р. Что дѣлать? Согласился, только не знаетъ, гдѣ взять.

Війскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Недавно, вслѣдствіе обнаруженнаго дефицита въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ, въ засѣданіи думы настойчиво поддержано было требованіе о ревизіи городскихъ доходовъ и расходовъ, послѣдствіемъ чего было рѣшеніе обревизовать денежное дѣлопроизводство управы за все время съ 1881 г., какъ рѣшено уже было 20 апрѣля прошлаго года. Дефицитъ этотъ, по словамъ нѣкоторыхъ гласныхъ, подтверждаютъ будто бы давно ходящіе слухи о крупныхъ недостаткахъ въ городской кассѣ и о неблагоприятныхъ дѣйствіяхъ завѣдующаго этой кассой члена управы Д., занимающаго эту должность со времени образованія въ Війскѣ городского самоуправленія, т. е. съ 1877 г. Справедливы ли эти слухи—утверждать пока нельзя, несомнѣнно только то, что дефицитъ явленіе дѣйствительно у насъ знаменательное, когда мы облагаемъ налогомъ все и додумались даже до обложенія таковымъ собакъ, а между тѣмъ не видимъ ни одного общественнаго сооруженія, ни одной крупной жертвы изъ городскихъ суммъ, которая оправдывала бы наше усердное изысканіе доходовъ.

Киренскій округъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ сунтарско-олекминской инородной управѣ (Киренскаго округа) появилась на якутахъ какая то эпидемія, похожая на оспу. Вызванный изъ с. Усть-кута (лежащаго выше Киренска на 308 в.), окружный сельскій врачъ неособенно то торопится въ управу, по крайней мѣрѣ, пріѣхалъ въ Киренскъ до 1 января, а все еще живетъ въ городѣ. Кстати о врачахъ. У насъ теперь два врача—киренскій

окружный и киренскій сельскій; одинъ изъ нихъ—первый—проживаетъ въ г. Киренскѣ и выѣзжаетъ въ округъ для вскрытія труповъ; послѣдній сельскій—въ с. Усть-кутѣ и долженъ лечить все населеніе округа*), между тѣмъ какъ киренскій округъ лежитъ на громадномъ пространствѣ (по одной Ленѣ только на 1400 в.). Гдѣ же управиться тутъ одному сельскому врачу! Не лучше ли было бы раздѣлить округъ на двѣ части. Напримѣръ, врачъ, живущій въ Киренскѣ, завѣдывалъ бы отъ Киренска до границы Олекминскаго округа, т. е. волостями: петропавловской, витимской, инородными управами: конджерской, курейской, сунтарско-олекминской; врачъ, живущій въ Усть-кутѣ,—отъ Киренска до границы въ Верхоленинскаго округа,—волостями: орлинскою, нижнеилимскою, карапчакскою, макаровскою, управами: киренско-хандинской и нижнеилимской; при этомъ врачи вскрывали бы трупы каждый въ своемъ районѣ.

При теперешнемъ распредѣленіи киренскій окружный врачъ не успѣваетъ вскрывать всѣ трупы, поднимаемые въ округѣ, такъ равно и сельскій врачъ не успѣваетъ подать помощь всѣмъ нуждающимся въ округѣ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ АНГЛИЧАНАМИ СВ. ПИСАНІЯ ВЪ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(The seventy-ninth report of the British and Foreign Bible Society.—London. 1883 г.).

Въ недавнее время великобританское и иностранное библейское общество обнародовало въ Лондонѣ извѣстія о своей дѣятельности за послѣдній отчетный годъ его—1882-ой. Извѣстія эти, или, точнѣе сказать, отчетъ общества, представляющій собою объемистый томъ въ 500 слишкомъ страницъ in octavo, является въ высшей степени интересными не только по своимъ статистическимъ и числовымъ даннымъ, но и по изложенію тѣхъ подробностей, съ которыми описывается въ этомъ отчетѣ дѣятельность агентовъ общества въ различныхъ странахъ. Мы выписываемъ изъ отчета то, что касается собственно Сибири и сопредѣльнаго ей Туркестана.

Какъ видно изъ сличенія настоящаго отчета общества съ таковымъ же отчетомъ за 1881 годъ, дѣятельность англичанъ въ Сибири по распространенію св. писанія возрасла почти въ семь разъ, а именно: въ 1881 г. общество распространило въ Сибири библій и новыхъ завѣтовъ всего 2,498 экземпляровъ; въ 1882 году уже 14,638.

Этотъ необычайный успѣхъ дѣятельности объясняется въ отчетѣ тремя главными причинами. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ 1882 г. общество пріобрѣло себѣ для Сибири нѣсколько книгоношъ, главнѣйшими изъ которыхъ отчетъ называетъ гг. Разуваева и Вейсмана. Оба они совершили путешествіе по Западной Сибири до пункта, лежащаго въ 90-верстахъ къ сѣверу отъ Омска. Проѣзжая черезъ Пермь, Нижне-Тагильскъ и Екатеринбургъ, г. Вейсманъ, по словамъ отчета, встрѣчалъ для себя много насмѣшекъ и сопрогивленій, но тѣмъ не менѣе ему удалось продать на пути довольно большое число книгъ.

Условія общественной жизни въ Сибири, говоритъ отчетъ, весьма печальны. Убійства и грабежи повторяются

*) Населеніе около 40 т.

здѣсь часто, а пьянство и безнравственность распространены повсемѣстно.

Тюкалинскъ былъ самымъ восточнымъ пунктомъ, котораго достигли англійскіе книгоноши. Здѣсь настали такіе сильныя морозы, что агентъ библейскаго общества, имѣющій свое мѣстопребываніе въ Петербургѣ, сталъ опасаться за обратный путь, и вслѣдствіе этого телеграмма вызвала книгоношъ изъ Сибири ранѣе, чѣмъ это было предположено вначалѣ. Они возвратились черезъ Ишимъ, Тюмень и Екатеринбургъ. Въ Тюмени г. Вейсманъ навѣщалъ больныхъ въ госпиталь и читалъ имъ Слово Божіе. Въ какомъ то селѣ, недалеко отъ гор. Камышлова, г. Разуваевъ зашелъ въ домъ старосты; послѣдній осмотрѣлъ книги и купилъ „Новый Заветъ“ не только для себя, но еще и для 10 человекъ по экземпляру, благодаря книгоношу за доставленную возможность приобрести книги дешевою цѣною. Нѣкоторые изъ этихъ людей были неграмотныя, но рассчитывали, что имъ будутъ читать дѣти или родственники.

Въ Крестовскѣ крестьяне не довѣряли книгамъ, говоря, что онѣ слишкомъ дешевы, и понесли ихъ къ приставу для осмотра. Приставъ убѣдилъ ихъ, что книги очень хороши и что крестьяне должны быть очень благодарны за доставку имъ такихъ изданій по дешевой цѣнѣ. Въ Тюмени книгоношѣ случилось войти въ домъ, гдѣ ему встрѣтилось нѣсколько молодыхъ женщинъ, и по всей обстановкѣ ему показалось, что это домъ, который не пользуется доброй славой, но онъ все таки предложилъ книги; одна изъ женщинъ купила себѣ „Новый Заветъ“; а хозяйка дома, въ насмѣшку надъ книгоношей, облила его холодной водой.

Въ Ялutorовскѣ книгоноша встрѣтилъ слѣпаго, который спросилъ у него, какія онъ продаетъ книги. Разуваевъ объяснилъ ему. Тогда слѣпой взялъ „Новый Заветъ“ московскаго изданія и, оцупавъ его, сказалъ: „а, это навѣрно полный „Новый Заветъ“, онъ такой большой!“ и купилъ книгу. Потомъ онъ сказалъ мальчику, который сопровождалъ его: „будешь ли читать мнѣ понемногу изъ этой книги каждый день? Я тебѣ прибавлю за это жалованья по 2 руб. въ мѣсяцъ“. Однажды книгоноша встрѣтилъ партію арестантовъ и предложилъ имъ свои книги. Они отвѣтили смѣхомъ и сказали: „развѣ Богу есть дѣло до насъ? Мы и для людей не лучше собакъ?“ Конвойный офицеръ предложилъ арестантскимъ дѣтямъ, у которыхъ были деньги, купить книги, и такимъ образомъ было продано 5 экземпляровъ, а 4 роздано даромъ.

Второю причиною, объясняющею успѣхъ дѣятельности англичанъ по распространенію св. писанія въ Сибири, было путешествіе доктора Лансделя. Онъ проѣхалъ на Омскъ, Семипалатинскъ, по дорогѣ къ Кульджу и возвратился черезъ Туркестанъ. Кромѣ пособія въ 200 фунт. стерлинговъ на его путевыя издержки, комитетъ общества еще снабдилъ его приблизительно 5,000 экземпляровъ св. писанія и уплатилъ расходы по пересылкѣ книгъ. Посѣтивъ далекія и малоизвѣстныя страны Сибири и Туркестана, д-ръ Лансдель снабдилъ тюрьмы и больницы св. писаніями и засимъ съ тою же цѣлью оставилъ запасы этихъ книгъ у мѣстныхъ губернаторовъ.

Третьею причиною, которая вмѣстѣ съ симъ представляетъ собою самый значительный шагъ, сдѣланный обществомъ въ этихъ краяхъ, является открытіе англичанами

книжнаго склада въ Ташкентѣ, въ 300 миляхъ отъ китайской границы. Завѣдываніе этимъ складомъ поручено г-ну Барчъ, бывшему агентомъ общества въ Саратовѣ. Прибывъ въ Ташкентъ, г. Барчъ нанялъ тамъ подъ складъ отличное помѣщеніе въ центрѣ города и пригласилъ своего брата въ качествѣ помощника и книгоноши. Не смотря на то, что всякое передвиженіе совершается на верблюдахъ, складъ былъ въ изобиліи снабженъ различными книгами св. писанія и дѣло началось успѣшно. Братья Барчъ надѣются въ недалекомъ будущемъ войти въ сношенія съ книгоношами, работающими въ Индіи.

Вокругъ Ташкента, по словамъ отчета, населеніе весьма разнородно и по происхожденію, и по нравамъ. Здѣсь живутъ сарты, узбеки, киргизы, индусы, татары, персіане и евреи. Г. Барчъ весьма живо описываетъ нравы народа и отношеніе его къ предлагаемымъ книгамъ. „Когда я показываюсь, говоритъ онъ, то спрашиваютъ книги, чаще всего на персидскомъ языкѣ, такъ какъ онъ болѣе распространенъ въ литературѣ и между образованнымъ сословіемъ. Лишь только покупается книга, покупатель тотчасъ начинаетъ ее читать вслухъ. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ 5-я глава Евангелія Матвѣя. Нѣкоторые сидятъ, по восточному обычаю, поджавъ ноги, другіе стоятъ, но отъ всѣхъ слышатся возгласы удивленія“.

На первое время г. Барчъ встрѣтилъ въ Ташкентѣ сильное затрудненіе вслѣдствіе возбужденія мусульманъ противъ европейцевъ; даже дѣти на улицахъ насмѣхаются здѣсь надъ европейцами и преслѣдуютъ ихъ крикомъ. Но г. Барчъ весьма находчиво запасался миндальными конфетами, которыми надѣлялъ маленькихъ насмѣшниковъ, и ихъ чувства къ нему вскорѣ совершенно измѣнились.

Первыя книги, посланныя туда, не были уложены такъ, чтобы выдержать страшную тряску дороги, въ особенности между Ташкентомъ и Семипалатинскомъ, и потому прибыли на мѣсто назначенія въ поврежденномъ видѣ. Впредь обществомъ предполагается посылать ихъ на Оренбургъ, а оттуда верблюдами до Ташкента. Братья Барчъ имѣютъ успѣхъ даже среди магометанъ. Въ послѣднихъ письмахъ своихъ они извѣщаютъ: „не болѣе какъ въ двѣ недѣли времени мы распространили „Новые Заветы“ на киргизскомъ языкѣ даже среди самыхъ строгихъ магометанъ, не смотря на то, что мы имъ ясно объяснили, что это за книги. Одинъ сартъ (магометанинъ) пришелъ въ складъ, спрашивая „инджиль“ (евангеліе) на киргизскомъ языкѣ, и очень былъ огорченъ, когда узналъ, что книги эти уже всѣ были распроданы“.

ЕСТЬ ЛИ ДѢЛО НА РОДИНѢ?

(Отвѣтныя письма).

Недавно въ старѣйшей представительницѣ мѣстной печати, уважаемой нами газетѣ „Сибирь“, мы прочли письма, очень заинтересовавшія насъ, такъ какъ они касаются судьбы и дѣятельности образованныхъ сибиряковъ на родинѣ. Не смотря на субъективность, эти письма имѣютъ видимо намѣ-

реніе не только обрисовать настоящее положеніе вещей, но открыть глаза намъ и привести къ извѣстному логическому выводу. Словомъ, письма эти претендуютъ на значеніе общественное, публицистическое и педагогическое. Но странно, написанныя, повидимому, съ искренностью, они производятъ, однако, самое неожиданное впечатлѣніе и приводятъ къ выводу, который равносильнъ полнѣйшей безвыходности и какому то роковому *cerce vicieux*. Судите сами. Вотъ *profession de foi* образованнаго сибиряка, возвратившагося на родину.

«Почувшившись достаточное число лѣтъ, помыкавшись потомъ нѣсколько лѣтъ по матушкѣ Россіи, побывавъ и за границей, я рѣшился возвратиться на родину—въ Сибирь. Я не шелопай какой нибудь, не праздношатающийся маменькинъ сыночекъ, прожитаго жизнь и отцовское наслѣдіе. Я многое читалъ, еще болѣе думалъ. Я видѣлъ житье-бытье рабочихъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ; самъ работалъ въ шахтахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Два года я прожилъ въ глухой русской деревнѣ, обдѣленной и землей, и водой, и лѣсомъ, и выгонами. Съ такимъ запасомъ наблюденій и опыта, со множествомъ идей и плановъ въ головѣ я рѣшился послужить родинѣ.

И вотъ я въ Сибири. У меня есть свой кусокъ хлѣба, а потому мнѣ не зачѣмъ было, какъ многимъ изъ моей братіи, ни поступать въ канцелярію, ни дѣлаться конторщикомъ у какого нибудь сибирскаго туза. Я имѣлъ возможность приглядываться, прежде чѣмъ избрать себѣ «родъ жизни».

Но безотрадно были результаты моихъ наблюденій. Кругомъ меня никто не имѣлъ даже понятія о томъ, что значить «служить родинѣ». «Служить своему чреву», служить мамонѣ, пресмыкаться передъ другими, чтобы потомъ имѣть возможность заставить другихъ пресмыкаться передъ собою,—вотъ это все понятно, къ этому все стремятся, этимъ только и заняты. Искать мѣста въ Сибири, значить—пристроиться по чиновничьей части, чтобы выльзти на теплое, доходное мѣстечко. Искать мѣста—это поступить приказчикомъ въ магазинъ, писцомъ въ контору или служащимъ на прискахъ, чтобы опять жадничествомъ, обманами выльзти самому въ сибирскіе тузы.

«Надо самому заняться какимъ нибудь дѣломъ», рѣшилъ я. Но на крупное предпріятіе у меня не хватало средствъ. Сибирскія ремесла въ упадкѣ; ихъ убилла конкуренція дешевыхъ привозныхъ вещей.

Но автора опять мучитъ раздумье на распутіи дорогъ. «Открою я мастерскую, говоритъ онъ, я поморю съ голоду рабочихъ и растрясу послѣднія деньжонки. Гдѣ тутъ служеніе родинѣ?»

Остается еще надежда на нѣкоторыя профессии, но и здѣсь авторъ встрѣчаетъ разочарованіе.

Подумалъ я о сельскомъ хозяйствѣ, я съ-молоду любилъ читать сельско-хозяйственныя книжки, а, живя въ Россіи, приглядывался къ веденію какъ крестьянскаго, такъ и барскаго хозяйства; посѣщалъ даже образцовыя фермы. Сталъ я разспрашивать знающихъ людей. Оказалось, что въ Сибири сельское хозяйство ведется въ убытокъ, что здѣшній крестьянинъ не получаетъ отъ хлѣбопашества никакого дохода. Вести же кулацкое хозяйство, задавать впередъ деньги и закабалять людей—не въ моихъ правилахъ. Приняться самому за крестьянскую тягу,—но у меня руки, какъ у двѣнадцатилѣтняго ребенка, вѣшу я всего три пуда и мѣшка даже съ овсомъ мнѣ не поднять. И опять, развѣ это служеніе родинѣ?

Идти въ учителя? Просвѣщать темную массу народа? но мнѣ претитъ эта формалистика, эти узкія рамки, въ которыя поставлена школа. По опыту многихъ и многихъ я знаю, сколько терній ожидаетъ того, кто всею душой, искренно и любовно отдается святому дѣлу просвѣщенія народа. Не могу я съ утра до ночи долбить одни азы, не могу сдавать фиктивные экзамены съ выставкой наиболѣе развязныхъ долбилъ. По-

пробовать? но что и пробовать, когда я хорошо знаю, что больше полгода мнѣ не вынести этого рабскаго труда.

Такъ неужели же все это глупости, чѣмъ я старался набить свою бѣдную голову?

Итакъ, мнѣ остается только наблюдать и думать. Но наблюденія мои печальны и думы мои горьки. Вокругъ меня разыгрываются только низменныя страсти, идетъ борьба самыхъ мелкихъ интересовъ. И нѣтъ мнѣ мѣста среди моихъ земляковъ, нѣтъ работы, которую можно было бы назвать «служеніемъ родинѣ»!

Ужъ это одно письмо показываетъ, къ какой безнадежности пришелъ авторъ.

Слѣдующее письмо носить еще болѣе мрачный характеръ.

Прошелъ годъ. Мои наблюденія еще печальнѣе; мысли еще безотраднѣе. Очевидно, я боленъ. Я догадываюсь, что моя невыносимая болѣзнь обусловливается тѣми общественными явленіями и фактами, которые совершаются передъ моими глазами и среди которыхъ мнѣ суждено существовать. Самый характерный симптомъ моей болѣзни заключается въ сознаніи, что я не могу жить!

Болѣзненное состояніе автора, однако, не субъективное, по словамъ его, оно общественное, его раздѣляютъ всѣ образованные люди въ краѣ.

„Мы, больные, безмолвно сидимъ другъ противъ друга и горькія, горькія страданія изображаются на нашихъ лицахъ. Только по временамъ до боли мучительное могильное молчаніе прерывается страдальческимъ возгласомъ — я не могу жить! Мысли, молча, мы отождествляемъ и принимаемъ за мысли въ слухъ.. Душная общественная атмосфера, полнѣйшее безразличіе къ добру и злу, взаимное пофданіе, погоня за наживой—все это смѣшивается вмѣстѣ въ какую то чудовищную оргію, проходящую, какъ намъ кажется, передъ нашими глазами и подавляющую возможность существованія... Я не могу жить! вскрикиваетъ тогда который нибудь изъ насъ и часто, въ изнеможеніи, падаетъ въ глубокой обморокъ».

Въ такихъ словахъ рисуется положеніе возвратившагося на родину образованнаго человѣка. Мы знаемъ, по прочтеніи этого, люди, привыкшіе упрекать сибирскихъ патриотовъ въ пристрастіи къ ихъ родинѣ, еще разъ ткнуть пальцемъ и скажутъ: „какова ваша Сибирь!“ Но особенное впечатлѣніе произведутъ эти письма на образованную молодежь. У нея и безъ того господствуетъ колебаніе, и безъ того она отвлекается и соблазняется теоріями центровъ; ей говорятъ, что образованному человѣку на родинѣ, въ Сибири, дѣлать нечего, что мѣстныя дѣла и задачи пустяки, что надо искать широкаго общественнаго дѣла, которое находится только въ столицѣ; взглядъ этотъ, прикрытый общественнымъ служеніемъ, проповѣдуетъ абсентизмъ образованныхъ людей, и онъ очень на руку многимъ прикрывать личное стремленіе устроиться съ комфортомъ въ столицѣ. И безъ того кругъ возвращающихся такъ ничтоженъ и малочисленъ, что образованный сибирякъ, возвращаясь, чувствуетъ одиночество, отчаяніе и полное безсиліе бороться и съ массой господствующаго зла, и съ толщею общественнаго равнодушія и невѣжества. Къ чему же это поведетъ еще дальше? Вотъ вопросы, которыми приходится задаться людямъ, заинтересованными судьбою края.

Мы не винимъ автора писемъ; можетъ быть, ему дѣйствительно невыносимо, можетъ быть, онъ былъ вполне искрененъ, горячо и усердно искалъ дѣла на родинѣ, и его разочарованія и неудачи дѣйствительно причинили ему страданія, доведшія его до отчаянія, за которыми остается

самоубійство или сумасшедшій домъ. Для насъ важно, можно ли изъ этихъ писемъ дѣлать обобщеніе, дѣйствительно ли все сообщаемое авторомъ безусловно вѣрно, и дѣйствительно ли слѣдуютъ изъ его силлогизмовъ тѣ выводы, къ которымъ онъ приводитъ образованную молодежь.

Здѣсь можетъ явиться не мало вопросовъ и недоразумѣній. „Искать мѣсто въ Сибири — значитъ пристроиться по чиновничьей части, чтобы выльзти на теплое, доходное мѣстечко; поступить въ частную службу—значитъ жадничествомъ, обманами, выльзти въ сибирскіе тузы“. До сихъ поръ для людей, не воспитавшихъ въ себѣ гражданской честности, было такъ, но будто бы для образованнаго человѣка въ этихъ профессіяхъ нѣтъ честнаго выхода. Вѣдь бывали же честные чиновники-бѣдняки. Точно также не всѣ приказчики и конторщики дѣлаются тузами. Развѣ кто нибудь вынуждаетъ и можетъ вынудить брать взятки, обманывать и т. п. Если вопросъ сводится къ тому: „мыслимъ ли при теперешнихъ условіяхъ честный чиновникъ, будетъ ли онъ терпимъ?“ и если приходится дать отрицательный отвѣтъ, то не мѣшало бы болѣе обстоятельно разяснить, „какъ“ и „почему“. Эти вопросы не маловажные въ смыслѣ гражданскихъ вопросовъ и для характеристики существующихъ учреждений. Мало того, эти вопросы „трагическіе“ не только для людей, готовящихся служить, но и для многихъ, уже посвятившихъ себя службѣ.

Также быстро авторъ зарѣшаетъ и промышленныя, техническія профессіи, какъ и агрономическія. „Сибирскія ремесла говорить онъ, въ упадкѣ, ихъ убила конкуренція дешевыхъ привозныхъ вещей“. Прекрасно. Но тутъ то, значитъ, и нужна помощь, значитъ, надо самимъ поднять технику, удешевить предметы производства. Къ чему же и техническое образованіе автора? Развѣ мало для этого дѣла въ краѣ нетронутыхъ богатствъ, при изобиліи продуктовъ, при неумѣлости населенія и отсталости промышленниковъ? Развѣ мало писалось о потребностяхъ сибирской промышленности, о поднятіи кустарныхъ промысловъ и т. д? И вдругъ, вмѣсто энергическаго труда, мы встрѣчаемъ у техника грустное безнадежное заключеніе: „поморю рабочихъ и раззорюсь“. Не нужно забывать при этомъ, что такъ зарѣшается весь экономическій и промышленный вопросъ. Не мѣшало бы поэтому привести нѣсколько болѣе ясныхъ и положительныхъ доказательства изъ мѣстной промышленной жизни. Тоже самое говорится и о сельскомъ хозяйствѣ. Не смотря на то, что оно находится въ Сибири на самой низкой степени, не смотря на то, что масса сельскохозяйственныхъ продуктовъ совершенно пропадаетъ даромъ, отъ того, что некому научить народъ, какъ ими пользоваться, при всемъ этомъ нашъ агрономъ приходитъ къ совершенно обратному заключенію, а именно, что здѣсь нечего дѣлать и невозможно ничего дѣлать. Отвѣтъ этотъ становится тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что въ средѣ учащихъ не мало техниковъ и агрономовъ, которые думаютъ же чѣмъ нибудь быть полезнымъ краю. Хорошо получать они сюрпризы!

Съ такой же беспощадностью, какъ мы видимъ, авторъ относится къ педагогической дѣятельности. Мѣстная школа не удовлетворяетъ его, ему претитъ формалистика, узкія рамки, подчиненность и т. д. И вотъ весь школьный вопросъ, иначе весь вопросъ народнаго образованія законченъ.

Выводъ прямой: „и нѣтъ мѣста среди земляковъ, и нѣтъ работы, которую можно было бы назвать служеніемъ родинѣ“. Не худо замѣтить, что это приговоръ, относящійся къ жизни всей мѣстной интеллигенціи. Значитъ, для нея всей также нѣтъ мѣста среди земляковъ, для нея нѣтъ работы на родинѣ. Но правда ли это? Чтобы придти къ такимъ рѣшеніямъ, мало живой впечатлительности и скорбнаго сердца. Предъ рѣшеніемъ поверхностнымъ можетъ явиться сомнѣніе. Вѣдь интеллигенція можетъ терпѣть неудачи, можно указывать примѣры этихъ неудачъ, но вопросъ о роли интеллигенціи все-таки этимъ не рѣшается.

Если бы авторъ былъ неудачникъ, герой, оглядывавшій жизнь въ кабинетѣ, не желающій замарать своихъ ручекъ практическими попытками, досужій теоретикъ, разочарованный баричъ, что „по свѣту рыщетъ и дѣла великаго ищетъ“, мы не задумались бы къ его теоріи отнести съ подобающей ироніей.

Но мы думаемъ скорѣе, что его исповѣдь это просто неудачный приемъ изложенія. Мы предугадываемъ, что авторъ прикроется общественной средой и окружающими обстоятельствами. Дадимъ ему и этотъ шахматъ, дадимъ еще коня и туру, и все таки его вывода не слѣдуетъ. Онъ объясняетъ свою болѣзнь, свой weltschmerz, именно общественными явленіями и фактами, которые проходятъ предъ его глазами. Онъ говоритъ о душной атмосферѣ, полной безразличія къ добру и злу, о взаимномъ пофданіи, о погонѣ за наживой, о чудовищной оргіи, о безмолвіи и невозможности проявить мысль, на что обречена мѣстная интеллигенція и т. д. Да, все это безотрадно. Мы понимаемъ и скорбь, и отчаяніе, иногда охватывающее образованнаго человѣка въ этой средѣ. Мы можемъ понять, что людей впечатлительныхъ, слабыхъ, чувствительныхъ это можетъ довести до опусканія рукъ, до апатіи, до сумасшествия и самоубійства. Они могутъ сказать: „я не могу и не хочу жить“. Но вѣдь дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ. Вопросъ, можетъ ли сказать это вся мѣстная интеллигенція, вся совокупность образованныхъ силъ, вся выучившаяся молодежь? Какое мы имѣемъ право зарѣшить это? Какъ ни грустно и ни мрачно существованіе сибирскаго общества, которое мы не намѣрены прикрашивать, но допустимъ его еще въ нѣсколько разъ мрачнѣе и при всемъ томъ мы не можемъ допустить ни безнадежности, ни бѣгства образованнаго человѣка съ родины. Намъ поражаетъ здѣсь скорѣе наивность автора—онъ скорбитъ за общество, возмущается зломъ, онъ открываетъ погоню за наживой, погоню за теплыми мѣстами, эгоизмъ, низкія страсти. Но что же тутъ необыкновеннаго? Развѣ нашъ землякъ вчера родился и сегодня увидѣлъ наше общество? И гдѣ же этого нѣтъ? Можетъ быть, гуляя по свѣту, въ Россіи онъ видѣлъ другихъ капиталистовъ и промышленниковъ, заботящихся не о прибыли, можетъ быть, тамъ онъ не замѣчалъ наживы, деморализаціи, эгоизма, низкихъ страстей? Или онъ родился въ Икаріи? Или готовится существовать въ Икаріи?

Что онъ приготовился блаженствовать только въ Икаріи на всемъ готовомъ, объ этомъ есть основаніе думать по его словамъ и заключеніямъ. Онъ говоритъ—ремесла плохи, промышленность въ упадкѣ, земледѣліе безнадежно, и все это заставляетъ его отвергиваться отъ дѣла, все это не возбуждаетъ въ немъ энергіи начать трудъ, показать примѣръ, а

внушаетъ только отвращеніе отъ жизни, отъ усилій, борьбы и труда. Онъ жалуется на школу, на ея формализмъ. Да, школа, можетъ быть, плоха. Кажется тутъ то бы и придти на помощь, попробовать поднять школу; но „и пробовать не стоить — полгода не вынести этой работы“. Гдѣ же школы, однако, являлись во всеоружіи и совершенными? Ихъ создавали люди, надъ ними трудились люди и исторія. Почему же не стоить начинать, пытаться? Вѣроятно, авторъ составилъ себѣ идеаль только трудиться тамъ, гдѣ промышленность развита, гдѣ школа совершенна. Ну, а что, какъ и въ этой готовой школѣ ему не дадутъ мѣста, и какой нибудь иностранецъ скажетъ: „чѣмъ являться на готовое, извольте-ка, милостивый государь, пойти да свое создать. Вы думаете, намъ легко это досталось“?

Нѣтъ! вѣдь это безвѣріе дѣйствительно ужасно. Какимъ образомъ интеллигенція, начинающая жизнь, призванная бороться, можетъ опуститься до такого апатичнаго состоянія! Какимъ образомъ страна, начинающая исторію, можетъ стоять у начала ея съ такими разочарованіями! И какая страна, гдѣ просторъ, природа, естественныя богатства вызываютъ энергію и трудъ, гдѣ вся будущность *tabula rasa*, гдѣ чувствуешь просторъ мечтѣ и идеалу, гдѣ, кажется, должна бы таиться кипучая энергія и пламенная вѣра!

Не заключается ли фальшь въ самомъ приѣмѣ автора приниматься за работу? Нѣтъ ли причинъ его разочарованія въ самомъ его отношеніи къ дѣлу? Не въ этомъ ли заключается источникъ его меланхолическаго и паденія духомъ?

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ онъ выполняетъ свое дѣло. Миѣ остается наблюдать и думать, говорить авторъ послѣ своихъ практическихъ неудачъ. Прекрасно! Что значить для образованнаго человѣка наблюдать, это значить изучать окружающую жизнь. Авторъ кончаетъ эту работу въ годъ и приходитъ къ выводу:—„ничего не подѣлаешь“—и падаетъ въ обморокъ. Но такъ ли изучаютъ страну и народъ въ другихъ мѣстахъ? Вѣдь для этого нужно произвести цѣлую массу наблюдений, изслѣдованій народной жизни и всѣхъ ея функций, вѣдь это такая гибель работы, что десяти жизней не достанетъ. Пусть онъ начнетъ изучать тоже общество въ прошломъ и настоящемъ, пусть онъ взглянетъ и изучитъ его исторію (а для этого года мало), и онъ въ этой исторіи найдетъ, можетъ быть, объясненіе существующему. Мало того, онъ найдетъ въ исторіи населенія и народа такія явленія и доказательства жизненности, слѣды народнаго труда, энергіи, которыя могли бы дать автору лучшіе уроки и утѣшеніе; эта работа и дѣйствительное изученіе не только спасли бы автора писемъ отъ преждевременныхъ ложныхъ посылокъ, но спасли бы его отъ меланхолическаго, дали бы ему вѣру и, можетъ быть, энергію, которой онъ похвастать не можетъ.

На первыхъ шагахъ жизни, увидя ее однимъ глазомъ, онъ уже упалъ въ обморокъ. Но почему же онъ не спроситъ и почему забылъ наблюдать, не было ли у него предшественниковъ изъ образованныхъ земляковъ, которымъ также окружающее казалось безотраднo; почему онъ думаетъ,

что онъ первый это чувствуетъ. Можетъ быть, у его предшественниковъ, какъ у многихъ образованныхъ людей, такъ же кипѣли чувства, страсти, волосы поднимались дыбомъ и дрожь пробѣгала. Если бы авторъ захотѣлъ поискать въ окружающей средѣ среди сибирской мѣстной интеллигенціи, онъ нашелъ бы стариковъ, людей прежняго поколѣнія, которые до сихъ поръ держатъ знамя воспитанія общества, а перенесли гораздо болѣе. Положеніе ихъ было еще таргичнѣе, работа еще неблагоприятѣе, но они не жалуется. А вѣдь они могли бы и имѣли бы право болѣе жаловаться на общественную среду. Они не падали въ обморокъ при началѣ, не опускали рукъ, не проповѣдывали бездѣйствіе. Ихъ воодушевляли и энергія, и вѣра въ свой край.

Они скоро сойдутъ со сцены. Вамъ мѣсто, молодымъ силамъ, смѣнить ихъ, исполниться энергіей и мужествомъ, бороться со зломъ, разливать свѣтъ просвѣщенія. Вы не начинали еще жизни, вы полны силъ. Какъ же вы на первомъ шагѣ разрѣшаете судьбу и роль своего поколѣнія!...

Сибирякъ.

ПРИВѢТЪ ИЗЪ ДАЛИ.

Дикій, темный край, суровый,
Гдѣ еще далеко разсвѣтъ,
Вспомнилъ я... И съ годомъ новымъ
Шлю тебѣ, Сибирь, привѣтъ.

Въ тихій часъ печальной думы,
Вновь летятъ мои мечты
Въ глушь, гдѣ меньше лжи и шума,
Жалкихъ фразъ и суеты...

Вновь полярныя равнины,
Снѣжный сумракъ видитъ взоръ...
Ленскихъ скалъ—громздъ тѣснины,
Тьму тайги по скату горъ...

И бредетъ торной дорогой
Въ пургу, дождь и лѣтній зной
Людъ нашъ сѣрый и убогій
Изъ „Рассеюшки родной“...

Край далекій, лѣсъ дремучій!
Пусть въ тоскѣ твоей нѣмой
Пронесется кликъ могучій
Тѣхъ, кто борется со тьмой!

И, благія пожеланья
Всѣмъ борцамъ твоимъ тая,
Изъ отчины въ край изгнанья
Вновь несется мысль моя...

Н. С. К.

СЕЛЬСКІЙ ТРІУМФЪ *).

(Очеркъ деревенскихъ нравовъ).

Въ селѣ Богородскомъ Т—ской губ. въ одинъ теплый и ясный декабрьскій день 1883 года замѣчалось какое то необычайное „снованіе“ по улицамъ сотниковъ волостнаго правленія. Изъ немногихъ зажиточныхъ домовъ эти сотники, подобно муравьямъ, тащили откуда кто вилки, кто ложки, кто чашки, тарелки, салфетки, а кто и бутылки съ водкой. Видно по всему было, что у насъ кѣмъ то и что то затѣвалось не совсѣмъ обыкновенное.

— „Январь! куда это стаскиваете вы всю эту дрянь“? спросили мы встрѣтившагося криваго сотника, похожаго на циклопа.

— „Къ волостному писарю“.

— „А что такое случилось у него? Для чего понадобились ему всѣ эти приборы“?

— „Обѣдъ, видите ли, у него сегодня: вѣдь мы съ утра то сегодня чуть не всю деревню обобрали—фиціальныи обѣдъ будетъ“.

— „Однако же въ чемъ дѣло“?

— „Видите ли, старшина Павелъ Ивановичъ Крюковъ, то есть,—невидалъ какаѣ, прости Богъ,—смѣняется... чтобъ ему голову сломить за то, что билъ и увѣчилъ нашего брата!... ну, такъ въ честь его, по случаю благополучнаго окончанія службы и хорошаго управленія, свать то его по плутовству, Николай Ивановичъ Брилко, писарь, и устраиваетъ фиціальныи обѣдъ. Говорилъ, всѣ волостные—старые и новые—будутъ да и еще кто то“.

На „фиціальномъ“ обѣдѣ дѣйствительно присутствовали всѣ (старые и новые) волостные начальники. Присутствовали также нѣкоторые сельскіе старосты и нѣсколько человѣкъ крестьянъ, приглашенныхъ, надо полагать, въ родѣ депутаціи отъ волости. Въ огромной и довольно роскошно убранной квартирѣ волостнаго писаря изъ ссыльныхъ, имѣвшаго намѣреніе ввести цивилизацію, поставлено было по срединѣ зала два стола, сдвинутыхъ вмѣстѣ; самое первое мѣсто занялъ, съ сознаниемъ собственного достоинства и не безъ гордости, чествуемый Павелъ Ивановичъ Березовскій (онъ же Крюковъ); по правую руку отъ него занялъ мѣсто писарь, а по лѣвую—новый старшина; далѣе за столами заняли мѣста старосты и депутаты по чиноположенію. Ровно въ два часа обѣдъ открылся слѣдующимъ приглашеніемъ амфитріона:

— „Любезнѣйшій Павелъ Ивановичъ, сказалъ писарь, прошу покорнѣйше откусать, чего Богъ послалъ. Господа! обратился онъ уже къ прочимъ, — пожалуйста. Но... прежде надо выпить“. Водки за каждымъ блюдомъ (а ихъ, кажется, было до шести) пилось, сколько душѣ угодно было. Однимъ словомъ, благодаря любезности и настойчивости амфитріона, пилось и ѣлось въ волю. Разговоры сначала были скромные и сдержанные, скорѣе смахивавшіе на дѣловые; потомъ, какъ и слѣдовало ожидать, постепенно

становилось оживленнѣе и оживленнѣе, такъ что перемѣшивались уже съ шутками, остротами и смѣхомъ. Наконецъ, предъ послѣднимъ блюдомъ амфитріонъ налилъ рюмку водки и всталъ изъ за стола; въ томъ же моментъ, какъ бы по волшебному мановенію, встали и всѣ присутствовавшіе. Съ свойственною напускною важностію и подобающею случаю торжественностію, сельскій амфитріонъ, обратившись къ триумфатору, поднялъ рюмку и произнесъ слѣдующій высокомерный спичъ: „Пью за ваше здоровье, многоуважаемый, обожаемый и всѣми любимый Павелъ Ивановичъ! Позвольте при этомъ выразить вамъ отъ лица всѣхъ здѣсь присутствовавшихъ и отъ имени крестьянъ всей волости искреннее и душевное русское спасибо за вашу примѣрную, похвальную и полезную службу. Искренно сожалѣемъ о томъ, что вы оставили службу. Дай Богъ, чтобы всегда и вездѣ были такіе волостные старшины, какъ вы. Очень желательно, чтобы вы еще послужили обществу. Въ заключеніе позвольте обнять и поцѣловать васъ. Ур-ра-а!“ Въ отвѣтъ на это послышалось „гмъ! гмъ!“, но затѣмъ раздалось общее „ура“. Ну и Павлу Ивановичу, разумѣется, нельзя не отвѣтить было на этотъ спичъ. Какъ и подобаетъ великимъ людямъ, онъ также налилъ рюмку водки и, обращаясь взаимно къ амфитріону, съ тою же важностію и торжественностію и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти „сварганилъ“:

— „Спасибо вамъ, добрѣйшій Николай Ивановичъ, за вниманіе ка мнѣ, потому какъ очень идривится ваше вниманіе. Дай Богъ, чтобъ вездѣ, и особливо у насъ, завсегда были такіе писаря, какъ вы. Имѣемъ честь пить за ваше здоровице, позвольте ужъ и васъ поцѣловать. Ур-ра-а!“ По окончаніи обѣда начались опять тосты и лобызанія, лобызанія и тосты. Такъ непрерывно продолжалось до поздняго вечера, но уже съ тою только разницею, что въ этомъ содомѣ принимали равное участіе всѣ поголовно. Въ-пережку не были забыты и русская пляска, походившая въ концѣ на пляску св. Вита, и пѣсни, походившія то на мычаніе, то на визжаніе, а то и просто чортъ знаетъ на что. Между амфитріономъ и триумфаторомъ установились самыя короткія и, что называется, фамиліярныя отношенія, свидѣтельствовавшія о полной нравственной солидарности. Павелъ Ивановичъ не обращался уже иначе къ Брилко, какъ только: „Эй, како-онъ-ко—Брилко, пойдемъ-ка, хапина, дерябнемъ еще по одной!“

Въ концѣ-концовъ образовалась совершенно бессмысленная попойка съ шумомъ и гамомъ, съ пѣснями и плясками, скоро она породила настоящее вавилонское смѣшеніе языковъ. И вотъ въ такомъ-то совершенно невѣроятномъ состояніи между амфитріономъ и триумфаторомъ какъ-то неожиданно, безъ всякаго повидимому повода, — ровно они передъ этимъ мысленно или мимикою объяснились, — возникло недоразумѣніе по поводу обдѣленія первымъ послѣдняго изъ 100 рублей, хапнутыхъ не за долго до этого изъ суммъ волостнаго правленія. Какъ ни пытались они объясниться по этому поводу, но языки не повиновались имъ, и потому у нихъ рѣшительно ничего не выходило. Неизвѣстно, былъ ли амфитріонъ раздраженъ не-

*) Настоящій очеркъ рисуетъ образчикъ новѣйшихъ нравовъ и представляетъ примѣръ того, какъ волостные писаря изъ ссыльныхъ вводятъ среди сибиряковъ цивилизацію, устраиваютъ юбилей и т. п. „по благородному“.

удачей и беспомощностію въ уясненіи возникшаго недоразумѣнія, гдѣ даже и не требовалось доказывать, какъ $2 \times 2 = 4$, что ему по праву слѣдовало большая часть изъ хапнувшихъ, ибо инициатива и подтасовка дѣла съ формальной стороны всецѣло принадлежатъ ему, или онъ просто-на-просто, дошелъ въ попойкѣ до того предѣла, „кого не прейдеши“, но онъ брякнулся со стула подъ столъ и притомъ прямо носомъ объ полъ. Это непредвидѣнное и положительно неожиданное столкновеніе съ поломъ какъ бы протрезвило его и онъ разразился самою, что называется, молниеносною отборною и трескучею бранью, посыпавшеюся на всѣхъ, а главнымъ образомъ на триумфатора. „Подлецъ! плутъ! мошенникъ! грабитель! Я на тебя губернатору доведу! подъ судъ, въ острогъ упеку! вонъ отъ меня убирайся!“ кричалъ „добрѣйшій“ на „многоуважаемаго, обожаемаго и всѣми любимаго“. Этотъ траги-комическій финалъ послужилъ окончательнымъ сигналомъ къ прекращенію пира.

Присутствовавшіе начали расходиться по домамъ; ноги ихъ переплетались и описывали странные фантастическіе зигзаги. За триумфаторомъ какъ разъ во время явилась толстая, высокая и здоровеннѣйшая баба, жена его; она свалила толстую и короткую, ровно обрубокъ, фигуру его въ сани и повезла домой на лошади. Въмѣсто розъ, на спутанной головѣ его торчали клочки сѣна, носъ былъ пунцовый и подъ глазомъ синякъ. Триумфаторъ видимо не сознавалъ происшедшаго, не понимая противорѣчій въ началѣ и хвостѣ торжества, онъ лежалъ въ саняхъ и не столько напѣвалъ, сколько гугнилъ и взвизгивалъ любимую —

У Карлуши дочка мила
И большой денегъ запасъ;
Ахъ, и чтобъ его побило,
Если все мнѣ не отдасть!

— Ну ужъ катавасія, говорилъ писарь—цивилизаторъ на цѣпляя себѣ на носъ пластырь, вотъ и вводи тутъ цивилизацію!

Сельскій Гомеръ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Король шведскій и норвежскій Оскаръ не рѣшился признать незаконнымъ приговоръ суда и уволилъ министра Сельмерса изъ состава министерства. Сельмерсъ намѣренъ совершенно отказаться отъ политической дѣятельности. Процессъ продолжается, обвинитель требуетъ, чтобы и другой министръ Кіерульфъ былъ отставленъ отъ должности и тѣмъ лишенъ права участвовать въ королевскомъ совѣтѣ.

— Такъ долго ожидаемое французами взятіе Бакъ-Нинга совершилось. Генералы Негріа и Бріеръ-де-Лиль двумя колоннами атаковали возведенные въ нѣсколько рядовъ окопы. Непріятель недолго держался и массами бѣжалъ къ сѣверу и западу, прежде чѣмъ третья колонна успѣла слѣлать обходное движеніе и пересѣчь ему отступленіе. Гарнизона было 20 тыс., изъ этого числа половину составляли ананиты, вооруженные коньями. У китайскихъ регулярныхъ солдатъ не было хорошихъ ружей, съ крупновскими орудіями не умѣли обращаться. Французы захватили все орудія въ цитадели. Считаютъ вѣроятнымъ, что французы продолжатъ наступленіе и займутъ Тойнгуанъ и Лангъ-Сонъ въ Тонкинѣ, чтобы имѣть за собою всю дельту Красной рѣки и провинціи, прилегающія къ ней съ сѣвера и граничащія съ Китаемъ. Па-

лата депутатовъ сильно возбуждена противъ орлеанскихъ принцевъ. Радикальные депутаты требуютъ высылки графа Парижскаго. Въ Лионѣ, въ конторѣ парижско-лионской жел. дор. была получена посылка на имя графа Парижскаго. Посылка возбудила подозрѣніе, была вскрыта. Въ ящикѣ оказалось большое количество динамита и адская машина. Думаютъ, что это происки самихъ же орлеанистовъ, чтобы возбудить сочувствіе къ графу Парижскому, такъ какъ послыжи всегда вскрываются не самими высокопоставленными лицами, а ихъ секретарями. Газеты доказываютъ, что существуетъ особое бюро принцевъ для подкупа депутатовъ и что орлеанисты въ палатѣ составляютъ болѣе трети.

— 1-го марта англичане атаковали укрѣпленный лагерь Османа-Дигмы, подъ Тамаргибомъ. Отрядъ генерала Граама былъ построенъ двумя каре. Первому каре удалось ворваться послѣ упорнаго и долгаго боя въ лагерь, истребляя поголовно всѣхъ. Атака втораго каре, съ другой стороны, была передъ тѣмъ не только отбита, но англичане потеряли даже свои митральезы и много раненыхъ и убитыхъ. Два часа спустя, они однако же добились того, что заняли лагерь. Отрядъ генерала Граама былъ настолько обезсилёнъ этимъ сраженіемъ, что принужденъ былъ отступить на нѣсколько верстъ назадъ и стать бивуакомъ на прежнихъ позиціяхъ у Заребы. Штабъ и генералы Граамъ и Стюартъ уѣхали въ Суакимъ за подкрѣпленіями. Инсургенты отступили въ Сикатъ. Дорога отъ Суакима къ Берберу занята инсургентами. Въ Среднемъ Суданѣ замѣчено сильное движеніе въ пользу Османа-Дигмы. Генералъ Гордонъ въ Хартумѣ находится въ опасности. Телеграфное сообщеніе съ Хартумомъ повреждено. Вышедшій изъ Хартума въ Берберъ пароходъ не приблизилъ къ мѣсту назначенія. Одинъ путешественникъ англичанинъ Леви, согласившись принять мусульманство, посѣтилъ Османъ-Дигму и пробылъ нѣсколько дней въ его лагерѣ. Османъ-Дигма, по его разсказамъ, одѣвается, какъ и другіе арабы, въ грязный плащъ и соломенную шляпу и ничѣмъ не старается себя выдѣлать, но суданцы относятся къ нему съ полною покорностію, а Магди считаютъ истиннымъ пророкомъ. Османъ-Дигма каждый день собираетъ своихъ приверженцевъ и читаетъ имъ письма Магди и тѣ мѣста изъ священныхъ книгъ, гдѣ говорится о пришествіи пророка. Англійскій генеральный консулъ Берингъ получилъ изъ Лондона предписание, въ точности опредѣляющее политической планъ Англии по отношенію къ Египету. Планъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главнѣйшіе пункты: 1) Египетская граница будетъ установлена у первыхъ нильскихъ пороговъ. 2) Бекеръ-паша получитъ постъ вице-короля Хартума. 3) Порты при Черномъ морѣ будутъ находиться въ зависимости отъ Англии. 4) Абиссинія будутъ уступлены два порта при Красномъ морѣ и часть Южнаго Судана. Адмиралъ Гьюэтъ отправляется въ столицу Абиссиніи Массову съ цѣлью убѣдить короля Юанна присоединиться къ мелкимъ государствамъ, имѣющимъ поступить подъ непосредственный протекторатъ Англии. По этому плану Суданъ предоставляется арабамъ. По свѣдѣніямъ, появившимся въ печати, эта страна равна Франціи, Англии и Германіи, вмѣстѣ взятымъ. Ее можно раздѣлить на три пояса: первый къ югу отъ Хартума, съ оазисами Сенааромъ, Кардофаномъ, Дарфуромъ и побережьемъ Краснаго моря. Эта мѣстность срошена Ниломъ съ притоками. По Нилу расположены города—Хартумъ при слияніи Бѣлаго и Голубаго Нила, южнѣе Берберъ, на Голубомъ Нилѣ Сенааръ и пр. Въ главномъ городѣ Кардофана Эль-Обейдѣ пребываетъ Магди, довольствуясь пока управленіемъ этою областію. Почва всей этой полосы плодородная, съ рѣдкимъ богатствомъ растительности. Вторая полоса, къ югу отъ 10°, сплошная болотистая мѣстность. Третья, еще южнѣе, возвышенная и плодородная. Населеніе Судана, двѣнадцать милліоновъ человекъ, состоитъ изъ арабовъ и негровъ, народовъ очень воинственныхъ.

— Въ Германіи, какъ извѣстно, произошло слияніе всѣхъ либеральныхъ партій въ союзъ „свободомыслящей германской партіи“. Она издала программу своихъ цѣлей и стремленій,

которыя состоятъ въ слѣдующемъ: домогаться развитія истинно-конституціоннаго управленія, защищать парламентъ отъ нападковъ министерства, обезпечить свободу печати и сходовъ, добиться равенства передъ закономъ, полной свободы совѣсти, развитія народнаго благосостоянія, бороться противъ государственнаго социализма и опеки надъ промышленностью; ввести справедливую систему налоговъ, устранить всякія монополіи, сохранить всеобщую воинскую повинность, но съ сокращеніемъ сроковъ службы. Офиціозная печать недоброжелательно отнеслась къ этой программѣ, усматривая въ ней антимонархическія стремленія, и, такъ какъ новая партія составляетъ большинство въ парламентѣ, то на нее косится и князь Бисмаркъ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ четвергъ, 1-го сего марта, въ день кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, во всѣхъ храмахъ столицы, въ войскахъ и учебныхъ заведеніяхъ, а также въ государственныхъ и во многихъ общественныхъ учрежденіяхъ была совершена панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ. Въ Петропавловскомъ соборѣ, кромѣ общей панихиды, начавшейся въ 2 часа пополудни, было совершено много другихъ панихидъ.

— Въ пятницу, 2-го марта, въ день восшествія Государя Императора на прародительскій Престоль, во всѣхъ церквяхъ Петербурга и войскахъ было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе.

— 2-го марта, имѣли счастье представляться Его Императорскому Величеству Государю Императору между прочими лицами: состоящій при войскахъ кавказскаго военнаго округа, генераль-отъ-кавалеріи Хрещатицкій; генераль-адъютантъ Свистуновъ; генераль-лейтенантъ членъ военнаго совѣта, генеральнаго штаба Черняевъ и прибывшій изъ Кяхты, селенгинскій 1-й гильдіи купецъ Старцевъ.

— 28-го февраля, въ „Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства“ опубликованы Высочайше утвержденныя мѣрныя государственнаго совѣта: 1) объ увеличеніи ежегоднаго пособія Императорскому московскому обществу сельскаго хозяйства на содержаніе земледѣльческой школы; 2) объ учрежденіи въ г. Читѣ мужской гимназіи и 3) объ измѣненіяхъ въ штатахъ нѣкоторыхъ судебныхъ установленій и о распредѣленіи товарищей прокуроровъ судебныхъ палатъ.

— По всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, Государь Императоръ, 15-го февраля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 16-го іюля 1880 года, о распространеніи Высочайше утвержденнаго 19-го мая 1871 года правилъ о порядкѣ производства дознаній по государственнымъ преступленіямъ на мѣстности Восточной и Западной Сибири, а также на области Уральскую и Тургайскую, продлить еще на три года, съ отмѣною 4, 5, 6 и 7 статей сего повелѣнія для губерній Тобольской и Томской и областей Уральской и Тургайской и съ тѣмъ, чтобы всѣ обязанности, возложенныя закономъ 19-го мая 1871 года, по отношенію къ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ на прокуроровъ судебныхъ палатъ, были исполняемы въ поименованныхъ губерніяхъ и областяхъ губернскими и областными прокурорами; 2) во владивостокскомъ военномъ губернаторствѣ прокурорскія обязанности по наблюденію за производствомъ дознаній возложить на мѣстнаго окружнаго странчаго, и 3) предоставить степному генераль-губернатору по отношенію къ дознаніямъ, производимымъ въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской, права, принадлежація генераль-губернатору Восточной Сибири.

— Въ субботу, 9-го сего марта, министръ императорскаго двора графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ и генераль-адъютантъ П. А. Черевинъ выѣхали въ Тамбовскую губернію, въ имѣніе графа Воронцова-Дашкова, гдѣ проведутъ нѣсколько дней на охотѣ.

— „Московскія Вѣдомости“ передаютъ, что между министерствами государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ возбуждена переписка по вопросу о передачѣ земствамъ госпиталей, аптекъ и богадѣленъ Горнаго вѣдомства, съ тѣмъ, чтобы эти учрежденія содержались земствами обязательно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они существовали до сихъ поръ.

— Въ послѣднемъ номерѣ „Указателя правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ“ объявлено отъ общей канцеляріи министра, что „на основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 20-го декабря 1883 года, объ измѣненіи условій сдачи въ аренду „С. Петербургскихъ Вѣдомостей“, деньги, слѣдующія за напечатаніе въ сихъ вѣдомостяхъ казенныхъ объявленій, поступавшія до сего времени въ пользу казны, съ 1-го января 1884 года должны поступать въ пользу редакціи означенныхъ вѣдомостей“. При прежнихъ арендаторахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ Очкинѣ (вмѣстѣ съ Краевскимъ), Коршѣ, Баймаковѣ, Комаровѣ, сборъ отъ казенныхъ объявленій, которыя они печатали на своей бумагѣ и на свой счетъ, приносилъ казнѣ ежегодно дохода отъ 30,000 до 40,000 руб. Этотъ доходъ нынѣ поступитъ въ пользу новаго арендатора этой газеты, г. Авсеенко, который, сверхъ того, освобожденъ и отъ уплаты 13,000 р. въ годъ, внѣсившихся прежними издателями за право аренды.

— Совѣты императорскихъ университетовъ с.-петербургскаго и св. Владиміра получили приглашеніе эдинбургскаго университета о присылкѣ делегатовъ, для участія въ торжествѣ празднованія этимъ университетомъ въ апрѣлѣ трехсотлѣтняго юбилея основанія его. По слухамъ, делегатами отъ с.-петербургскаго университета избраны профессоры Мартенсъ, Менделѣевъ и Минаевъ, а отъ университета св. Владиміра— профессоръ Рахманиновъ.

— Определеніемъ сената утверждено заключеніе прокурорскаго надзора по дѣлу Скопинскаго банка о преданіи суду двухъ бывшихъ городскихъ головъ. Нынѣ прокуроромъ судебной палаты составляется обвинительный актъ объ остальныхъ подсудимыхъ. Дѣло будетъ разсматриваться въ московской судебной палатѣ. Обвинителемъ выступитъ прокуроръ палаты Гончаровъ („Нов. Вр.“).

— Совѣтъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ приходитъ къ заключенію, какъ передаетъ „Новое Обозрѣніе“, что нужно закрыть всѣ учрежденныя имъ между разными горскими племенами начальныя школы, коихъ число доходитъ до 30.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ для изслѣдованія Средней Азіи, по словамъ „Новаго Времени“, отправляется новая экспедиція, снабжаемая на средства одного изъ нашихъ золотопромышленниковъ всѣмъ необходимымъ.

Любопытно бы знать имя путешественника.

— Изъ Казани отъ 3-го марта, „Сѣв. Тел. Аг.“ передаетъ: Представители земста, города и биржи, собравшись вчера въ общее засѣданіе, постановили возобновить энергическое ходатайство объ осуществленіи Высочайше утвержденнаго въ 1875 году направленія магистральной сибирской линіи и о скорѣйшемъ соединеніи желѣзною дорогою Казани съ Нижнимъ—постройки, крайне необходимой въ виду тяжелаго экономическаго положенія края вслѣдствіе неурожая послѣднихъ лѣтъ, отсутствія заработковъ и сокращенія торговыхъ оборотовъ Казани.

— Въ настоящее время въ ученыхъ сферахъ Петербурга возникла мысль объ учрежденіи въ столицѣ новаго ученаго общества подъ наименованіемъ „общество для содѣйствія улучшенію экономическаго быта въ Россіи вообще“. Главной задачей этого общества будетъ: содѣйствовать удешевленію продуктовъ первой необходимости повсемѣстно въ Имперіи путемъ принятія рационально-научныхъ мѣръ къ поднятію уровня сельско-хозяйственнаго производства какъ въ улучшеніи способовъ разведенія хлѣбныхъ породъ, такъ и въ развитіи культуръ огородничества и садоводства, давая на то всѣ разъясненія предпринимателямъ, согласно постановленіямъ на тотъ счетъ подлежащихъ властей.

— „Русск. Вѣд.“ сообщаютъ, что ходатайство ординар-

наго профессора Императорскаго московскаго университета, стат. сов. Сергѣя Муромцева, о разрѣшеніи ему издавать въ Москвѣ безъ предварительной цензуры подъ его редакторствомъ научный журналъ подъ названіемъ „Современное обозрѣніе общественныхъ наукъ, словесности и искусства“ нынѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія отклонено.

— Изъ Вѣрнаго отъ 1-го марта „Сѣв. Тел. Аг.“ сообщаетъ: По достовѣрнымъ сообщеніямъ, въ Кульдѣжѣ продажи англійскихъ ситцевъ нѣтъ. Привоза чаевъ изъ внутренняго Китая также нѣтъ; изъ Вѣрнаго чаи идутъ въ Кульджу свободно, безъ запрета со стороны китайцевъ. Корреспонденціи объ этомъ въ газетахъ не точны.

— Изъ Архангельска 1-го марта тоже агентство передаетъ: Имущество бѣломорской компаніи расходуется по разнымъ рукамъ. Склады по гавани куплены Линдесомъ за 4,000 рублей, сахарный заводъ со всѣми постройками—купцомъ Сурковымъ за 6,000 рублей; идетъ оживленный торгъ на корабельную верфь; за нее надавали 7,000 рублей. Пароходъ „Молодецъ“ купленъ купцомъ Шмидтомъ за 6,000 рублей. Еще предстоитъ продажа принадлежащаго бѣломорской компаніи въ вологодской губерніи солевареннаго завода съ нѣсколькими десятками тысячъ десятинъ лѣсу.

— Поступило ходатайство костромскаго земства о сооруженіи желѣзной дороги отъ Костромы до Ярославля („Русскія Вѣд.“).

— Установленіе формы для студентовъ университетовъ отвергнуто большинствомъ при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ („Р. В.“).

— На золотыхъ приискахъ Сибири, въ Алтаѣ, вводятся переносныя желѣзныя дороги по системѣ французскаго инженера Декомбиля („Р. В.“).

— Извѣстный нѣмецкій писатель Фридрихъ Шпилъгагенъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ въ среду, 7-го марта, для присутствованія при первомъ представленіи на сценѣ маринскаго театра его драмы „Gerettet“. Говорятъ, пріѣздъ г. Шпилъгагена въ Петербургъ ознаменуется особеннымъ чествованіемъ писателя. Петербургская дума положила встрѣтить его депутацией, „Нов. Вр.“ въ передовой статьѣ протестуетъ противъ этой оваціи.

— Изъ Архангельска „Русск. Вѣдом.“ пишутъ: Предметомъ чрезвычайно оживленныхъ городскихъ толковъ въ настоящее время служить предпринимающееся здѣсь изданіе газеты „Сѣверный Край“. Редакторомъ-издателемъ ея выступаетъ г. Лудмеръ, авторъ многихъ статей о Сѣверной окраинѣ и давнишній сотрудникъ нѣкоторыхъ столичныхъ изданій. Г. Лудмеру удалось заручиться сочувствіемъ мѣстной администраціи, въ лицѣ начальника губерніи, къ предпринимаемому дѣлу. О сочувствіи общества нечего ужъ и говорить: врядъ ли какое либо зарождающееся изданіе пользовалось такими горячими симпатіями, какія выпали на долю „Сѣвернаго Края“. Объясняется это обстоятельство дореформенными условіями быта Архангельскаго края, при которыхъ развитіе общества далеко опередило развитіе мѣстныхъ учреждений. До какой степени архангельская публика заинтересована въ существованіи мѣстнаго органа, можно видѣть изъ того, что многіе граждане предлагаютъ издателю подучить съ нихъ подписныя деньги, не смотря на то, что разрѣшеніе на изданіе еще не состоялось, изъ уѣздовъ же и—что особенно дорого—отъ крестьянскихъ обществъ поступаетъ масса сочувственныхъ заявленій. Газета будетъ выходить три раза въ недѣлю въ форматѣ печатнаго листа, посвящая столбцы свои разработкѣ областныхъ вопросовъ края и мѣстной общественной жизни. При доброжелательныхъ отношеніяхъ высшей архангельской администраціи къ изданію, послѣднее окажетъ несомнѣнно значительныя услуги дѣлу возрожденія забытаго сѣвернаго края („Русск. Вѣдом.“).

— Въ ночь съ 21-го на 22-е февраля скоростижно скончался редакторъ газеты „Тифлисскія Объявленія“ Василій Іосифовичъ Алихановъ, имѣвшій всего 37 лѣтъ отъ роду. Покойный пріобрѣлъ „Тифлисскія Объявленія“, по словамъ газеты „Кавказъ“, покупкою отъ прежняго издателя,

г. Багатурова, въ 1881 году и, будучи чрезвычайно трудолюбивымъ, велъ газету единолично, почти безъ сотрудниковъ, до послѣдняго дня своей жизни исполняя даже должность конторщика. Во вторникъ, поздно вечеромъ, закончивъ свою обычную работу, почувствовалъ себя дурно и послалъ за своимъ братомъ, медикомъ, который нашель его уже умирающимъ, и хотя распорядился пригласить для совѣта и другихъ врачей, но всякая помощь уже оказалась ненужной. Онъ умеръ отъ кровоизліянія вслѣдствіе органическаго порока сердца и хроническаго страданія почекъ.

— Въ субботу, 25-го февраля, по словамъ „Зари“, въ 10 часовъ вечера, прибыла въ Кіевъ, а въ 12 часовъ ночи отправилась далѣе въ Одессу новая партія переселенцевъ въ 705 человекъ. По своему виѣшнему виду, переселенцы производятъ довольно пріятное впечатлѣніе. Все это народъ весьма опрятный. О южно-уссурійскомъ краѣ, куда они ѣдутъ, переселенцы имѣютъ самое неопредѣленное представленіе, заключающееся чуть ли не въ томъ, что онъ очень далекъ. Три мѣсяца ѣхать, говорятъ переселенцы, значить далеко. Ѣдутъ они, однако, охотно. Партія состоитъ по преимуществу изъ жителей сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи—суражскаго, мглинскаго, гдѣ, какъ извѣстно, крестьяне уже съ осени примѣшиваютъ къ хлѣбу конопляныя жмыхи. Впрочемъ, въ партіи переселенцевъ есть и жители болѣе хлѣбородныхъ частей Черниговской губерніи. Попадаются даже такіе, которымъ можно было бы остаться и жить относительно безбѣдно и на родинѣ, но заманчивый далекій край, кормящій тысячи новыхъ переселенцевъ, увлекаетъ ихъ, и они, продавъ все, что имѣли, ѣдутъ вмѣстѣ съ другими. Переселенцевъ сопровождаютъ по обыкновенію члены уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Переселенцы очень нетерпѣливы. Пріѣзжая на большую станцію, гдѣ имъ даютъ болѣе продолжительный отдыхъ, они просятъ поскорѣе отправить ихъ далѣе. Какъ только подадутъ вагоны—они мигомъ усаживаются—безъ ссоръ, безъ шума—и просятъ только скорѣе ѣхать.

— На бывшаго начальника Терской области генералъ-адъютанта Свистунова, по Высочайшему повелѣнію, возложена ревизія казачьихъ войскъ и другихъ частей въ степномъ генералъ-губернаторствѣ. Генералъ-адъютантъ Свистуновъ 4-го марта выѣхалъ изъ Петербурга.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Администрація по дѣламъ нерчинскихъ 1-й гильдіи купцовъ братьевъ Бутиныхъ, учрежденная съ разрѣшенія Иркутскаго городского суда, по акту 12-го сентября 1883 года, доводитъ до свѣдѣнія гг. кредиторовъ означенной фирмы: 1) что, согласно 13 му пункту администраціоннаго акта, обыкновенныя ежегодныя собранія кредиторовъ, для провѣрки годовыхъ отчетовъ, разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ и предположеній на дальнѣйшее производство по всѣмъ отраслямъ дѣлъ братьевъ Бутиныхъ, будутъ созываемы въ октябрѣ мѣсяцѣ каждаго года въ г. Иркутскѣ, чрезъ припечатаніе объявленій въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“; 2) что, равнымъ образомъ, и, могущія оказаться необходимыми, экстренныя собранія кредиторовъ также будутъ созываться, чрезъ припечатаніе объявленій только въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“; 3) что гг. кредиторы, независимо заявленія долговыхъ претензій, приглашаются, для доказательства своихъ правъ, послѣдить высылкой подлинныхъ обязательствъ, выданныхъ фирмой „братья Бутины“, съ точнымъ указаніемъ своего адреса или адреса своего довѣреннаго, къ которому бы администрація могла обращаться во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣтится надобность; въ полученіи документовъ администрацію будутъ выдаваемы формальныя росписки.